

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**А ТЕПЕРЬ МЫ
ПОРВЕМ АФРИКУ!**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

А теперь мы порвем Африку!

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

А теперь мы порвем Африку! / С. И. Зверев — «Научная книга», 2009 — (Спецназ ВДВ)

Один из лидеров международного терроризма Абдулкарим намерен получить бактериологическое оружие огромной поражающей силы и с его помощью поставить «врагов ислама» на колени. Лаборатория террориста скрыта глубоко в джунглях Африки. Российским спецслужбам стало известно о зловещих планах Абдулкарима. С задачей немедленно найти и уничтожить лабораторию в Африку направляются два матерых спецназовца ВДВ – Медведь и Русич. Бойцы готовы к любой схватке, но даже не подозревают, что для ликвидации африканского террористического клана им придется организовать военный переворот...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	42
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Зверев

А теперь мы порвем Африку!

Глава 1

– Прошу в машину. Пора, – вежливо, но настойчиво произнес сопровождающий – огромный широкоплечий мулат, эдакий гибрид человека и мамонта.

– Слушаю и повинуюсь, – невесело усмехнулся Феникс.

Он положил на деревянную старомодную резную стойку из красного дерева один тяжелый фолиант в кожаной обложке и засунул под мышку другой, за который уже расплатился. Кивнул смуглому, преданно глядящему на него букинисту. Толкнул тяжелую дверь тесного магазинчика с вывеской «Мудрые книги от Шикума». Шагнул на асфальт, плавающий под немилосердным восточным солнцем, и ощутил, как по позвоночнику поползла ледяная змейка. Она забирала силы из ставших вялыми ног. Что это означает – ему подсказывал богатый опыт. Это сама Королева Смерть сигнализировала о своем приближении.

Феникс отчетливо осознавал, что сейчас, на этой пыльной, замусоренной сверх всякой меры узкой азиатской улочке случится нечто такое, что перечеркнет обыденную суетливость хотя и зимнего, но все равно тропически жаркого дня...

На ватных ногах, сжимая только что приобретенное прекрасное издание Байрона XIX века в воловьей коже и с золотым тиснением, он сделал несколько неуверенных шагов в сторону проезжей части. Ощущение ледяной жути не покидало его. И вовсе не прибавляли уверенности прикрывавшие его телохранители, сильно смахивающие на карикатурных персонажей комиксов: здоровенные, в темных очках и строгих костюмах – это в такую-то жару! Феникс всегда считал, что излишне привлекать к себе внимание таким маскарадом, но его хозяева были эдакими любителями внешних эффектов.

Улица состояла из трех-четырёхэтажных домов с глухими ставнями, сохнувшим на веревках бельем и многочисленными торговыми лавками на первых этажах. Теснота. Духота. Смуглые, мельтешащие фигуры туземцев, которых невозможно отличить друг от друга. Раздавленные гниющие фрукты под подошвами ботинок – того и гляди навернешься. Бьющий в нос убойный запах варящегося в ближайшей забегаловке осьминога. Гулкий шум голосов. Клаксоны мельтешащих такси. Велорикши, шевелящие педалями и развозящие клиентов. Вот она, Юго-Восточная Азия, во всей ее красе. Эта атмосфера экзотики, тесноты и вони давно не радовала Феникса. От одного вида многолюдных улиц у него сдавливало обручем голову.

В нескольких десятках метров стояла разъездная машина Феникса – черный «Мерседес S-600», с затемненными стеклами, броней уровня защиты В-6, держащей удар пули автоматической винтовки, с широкими колесами специальной конструкции, обеспечивающими движение, даже если шины практически полностью теряют давление. Чуть дальше прижался к тротуару мощный внедорожник «Ленд Крузер 200», тоже бронированный – это машина прикрытия.

Феникса оберегали, как могли. Он слишком ценный кадр, чтобы им рисковать. Но и держать его взаперти негуманно и вредно для дела. Натура творческая – затоскует, обороты сбавит. У него была одна, но пламенная страсть – старые книги. Он мог напрочь забыть об обеде и ужине, погрузившись с головой в работу, колдуя сутками напролет со своей аппаратурой и любимым ноутбуком. Но этот еженедельный ритуал похода по букинистическим лавкам азиатского города, где иногда попадались сокровища, притом по дешевой цене, он не мог пропустить.

Шедший впереди ученого телохранитель-мулат махнул рукой, по форме и размеру напоминавшей железнодорожный семафор. «Мерседес» послушно тронулся с места и затормозил метрах в пятнадцати от дверей магазина – ближе мешали подъехать нагло выставившиеся на проезжую часть овощные лотки и приземистые мусорные баки.

К «Ленд Крузеру» с охраной бросился трясущийся, в каких-то немыслимых, бесформенных обносках смуглый нищий.

– Ай, помоги, деньги хочу! – заголосил он звонко.

Нищими в центре города никого не удивишь. Тут их пастбища. Здесь они неустанно донимают расслабляющихся на отдыхе туристов и добропорядочных бизнесменов. Наглые, голосистые, прилипчивые, всевозрастные, расплодившиеся в последние годы в невероятных количествах. Эти толпы никчемных существ, бессмысленно копошащихся в беспросветной череде буден, служили источником экспериментального материала для Феникса. Их столько сгинуло в недрах его секретной лаборатории, что относиться к ним как к людям было просто невозможно. Так, биологический материал.

Еще по приезде к букинистическому магазину роскошные машины тут же были атакованы этой крикливой нахальной голодной толпой. Но тогда хватило нескольких ударов дубинками, чтобы заставить их держаться на почтительном расстоянии. И вот очередная сцена из нескончаемого азиатского сериала под названием: «Дай деньги, деньги дай».

Нищий в обносках навалился грудью на капот и начал, как безумный, барабанить ладонью по лобовому стеклу внедорожника, крича на ломаном английском:

– Я не ел пять дней! Деньги хочу! Еду хочу!

Такую наглость стерпеть было просто невозможно. Охранник в ярости распахнул дверцу, чтобы знатным пинком придать нахалу направление полета. Нищий, изогнувшись, как ящерица, прыгнул в сторону открытой двери.

Прогремел взрыв. Ухнуло так, что проходим чуть не выбило барабанные перепонки. Брызнули стекла, искореженные куски металла и пластика.

За пазухой косившего под нищего камикадзе ждало своего феерического триумфа самодельное взрывное устройство. И дождалось! Взрыв смел двоих сотрудников охраны. И послужил сигналом для атаки!

Феникс, судорожно прижав к себе книгу, присел на колени, ощущая, как пронеслась взрывная волна, пригладив мягкой упругой ладонью волосы. А потом распластался на горячем асфальте, прикрыв голову одной рукой. Другой он продолжал удерживать книгу.

Охранники ближнего круга дело свое знали. Мулат бросился загораживать ученого своим телом, второй – рыжий, очень быстрый верзила, уже выдергивал из кобуры под мышкой пистолет «глок».

Высочивший из подворотни автоматчик вскинул израильский «узи». Рыжий охранник чудом успел заметить его в мельтешении разбегающейся толпы, пригнулся, поднял «глок», давя на спусковой крючок.

На улицу обрушилась оглушительная, рвущая нервы какофония боя. Резкие, как удар хлыста, хлопки выстрелов. Запах пороха. Звон разбившейся витрины и грохот перевернутого мусорного бака. Истошные крики. Топот разбегающихся людей.

Снайпер с крыши первым же выстрелом достал телохранителя-мулата, прикрывавшего своим телом Феникса. Теперь охраняемый объект был открыт для прицельного огня.

Рыжий, на ходу стреляя из пистолета, ринулся под прикрытие застывшего «Мерседеса». Автоматчик, тоже в движении, долбил по нему короткими очередями и промахивался. Промазал и снайпер. Разлетелась витрина букинистического магазина. Случайный прохожий заорал во весь голос, хватанув рикошетную пулю. Продавщица фруктов рухнула замертво, переворачивая лоток.

Автоматчик споткнулся, тяжелая пуля ударила его в бок. Рыжий телохранитель, согнувшись, почти уже укрылся за бронированным «мерсом». Но тут раненый автоматчик рванул резко вперед и врезал по закованной в костюм фигуре, отстреляв остаток магазина.

Рыжий выпрямился. И с неприятным стуком рухнул лицом на асфальт. Он так и продолжал сжимать в руке «глок», из которого успел выпустить пять пуль.

Над полем боя гудел клаксон – это водитель «мерса» ткнулся грудью в рулевое колесо, вжав звуковой сигнал. Беднягу упокоил снайпер из чего-то повышенно убойного – бронебойная пуля легко прошла бронестекло. Есть такие очень дорогие и редкие огнестрельные штучки, дырявящие без труда бронированные авто.

С тупым равнодушием Феникс ждал свою смерть. Но она все не приходила. Вместо нее пришел свежесбранный смуглый красавец в светлом костюме. Он рывком за воротник бежевой крепкой хлопчатобумажной рубашки вздернул на ноги ученого и толкнул в сторону неопрятной и мятой, как использованная консервная банка, «Мазды», остановившейся за «Мерседесом».

Феникс огляделся. В считанные секунды упругая от обилия человеческих существ улица опустела. Наученные горьким опытом туземцы умели прятаться при выстрелах и взрывах. Машины тоже пытались разехаться в ближайшие улочки и переулки. Два такси столкнулись. У тротуара лежал перевернутый велосипед, велорикша исчез. Был подраненный прохожий, ползущий по высыпавшимся из опрокинутого лотка фруктам.

– Быстрее! – Феникса затолкали в салон, где пахло ароматизатором с запахом клубники.

«Мазда» так резко сорвалась с места, что пассажиров вжало в спинки кресел. Машина проскочила по тротуару, сбивая лотки. И оказалась в переулке.

Феникс перевел дыхание. Ну что ж, судьба сделала очередной вираж! Смерть опять пощадила его, имея на него свои виды!

Уже долгие годы Феникс ощущал себя чемоданом, который куда-то перевозят, от кого-то прячут. Он настолько давно не принадлежал себе, что успел позабыть вкус свободы. Взамен этого ему было дано немало, в том числе власть над жизнью и смертью.

С королевой смертью у него установились почти дружеские отношения. Он слишком часто и близко соприкасался с ней. И слишком щедро дарил ее другим. Она его не пугала. Она бодрила.

По большому счету, он всегда служил ей. Началось их плодотворное сотрудничество в те времена, когда он еще был не восставшим вечно из огня легендарным Фениксом, а молодым кандидатом биологических наук Феликсом Георгиевичем Гаем и скрывался от большого мира в бункере высокой защиты в Казахстане. Не жалея сил и здоровья, он укреплял обороноспособность СССР. Бактериологическое оружие – для кого-то тогда это звучало жутковато. Для него же, одного из самых перспективных специалистов в данной области, в этих словах была музыка сфер.

В ней были свои нотные знаки – вирусы, микроорганизмы. Хотя, скорее, это были не ноты, а струны, нуждающиеся в настройке, чтобы выдать во всю мощь фантастическую симфонию жизни и смерти.

Специалисты по бактериологическому оружию мало известны широкой публике. Чем больших высот ты достигаешь на этой ниве, тем меньше у тебя шансов вещать на пресс-конференциях, печататься в научных журналах и блистать на светских раутах. Но слава – это мирское и наносное. А симфония смерти вечна...

Сослуживцы в том самом казахстанском подземном бункере считали его конченным маньяком. Он их держал за непроходимых тупиц, жалких ничтожеств, начисто лишенных полета фантазии.

Как же это было давно. В другом мире. В другом измерении. В СССР он был востребован. После развала империи очутился на должности главного врача санэпидемстанции. Это было мелко. Противно. Это была не жизнь, а жалкое существование.

Однажды ему сделали выгодное предложение – заниматься своей работой. За большие деньги. Конечно же, он согласился. И очутился далеко от Родины. В средствах его не стесняли. Кроме того, в дополнение к свинкам и кроликам появился новый расходный материал – люди.

В жаркой латиноамериканской стране, в какой-то высокогорной дыре, среди скал и горных вершин, он проработал несколько лет. При проведении исследований больше приходилось не идти вперед, а восстанавливать утраченное – все-таки до научной и материальной базы Советского Союза в этой области было далеко даже развитым странам. Но уже тогда Феникс начал нащупывать нечто принципиально новое. Нечто, открывающее головокружительные перспективы. Он учился извлекать из своих струн все более сложные мелодии.

Головокружительные перспективы были перечеркнуты автоматными очередями. Тщательно скрытую от посторонних глаз лабораторию молниеносным броском, под шум вертолетных винтов, захватил спецназ без знаков различия. Все бойцы были европейцами, изъяснялись на английском языке.

– Вам придется перезаключить контракт, – после сплошной зачистки, означавшей уничтожение всех лишних свидетелей, сказал руководитель операции. Этот худощавый невысокий мужчина лет сорока, весь какой-то жесткий, неуютный, со щеточкой усов под носом, в зеленом камуфляже, поправил лихо заломленный бордовый берет и насмешливо улыбнулся.

Потом был трясущийся многоцелевой американский вертолет «Дуглас MD-900» защитного цвета. Подвал-тюрьма. Долгие переезды. Аэропорты. И шумная азиатская, лопающаяся от избыточного демографического давления, как перегретый котел, страна. Ограниченная свобода. Туши телохранителей за спиной.

Зато оборудование было получше, чем в Латинской Америке. И новые хозяева поставляли богатый экспериментальный материал. Желтый, черный. Даже белый. Это было очень важно, поскольку плоскость исследований лежала в избирательности воздействия микроорганизмов на людей с определенной генной структурой, отвечающей за расовую принадлежность.

Феникс создавал то, что, по всеобщему мнению, находилось в ведении писателей-фантастов и низкопробных журналистов, повествующих экзальтированной публике про русалок в канализации, базы инопланетян под Белым домом и земляных червяков-душителers. Генетическое оружие! Фантастика! Но Феникс знал, что если это и сказка, то из разряда тех, которым суждено стать былью.

Пришла пора опять менять хозяев. Сам этот факт нисколько не смущал Феникса, чувство долга не прижилось в его рациональной натуре. Жалко было лишь лабораторию и экспериментальные образцы. Много придется опять начинать сначала. Ну что ж, хозяев не выбирают. Новая страница в лабораторном журнале его судьбы открыта.

Тип в светлом костюме, сидящий рядом на заднем сиденье «Мазды», с удовлетворением оглядев пленника, хлопнул его по впалой груди и приятным вкрадчивым голосом, на чистейшем английском, произнес:

– Феникс. Я Абделкарим. Ты шайтану служил. Теперь Аллаху послужишь. Он платит не хуже!

Глава 2

Господь выдумал среднерусскую равнину. Черти весь свой творческий запал потратили на африканские джунгли.

Под ногами хлюпала вода. Эх, пройтись бы сейчас по снежку в родной Тамбовской губернии. Но это только мечты... И комарье здесь какое-то особенно злое – никакие репелленты не спасают. Злая страна. Первобытная. Злые люди, злые животные и остервенелые насекомые. И Игорь Великанов тоже вынужден быть злым. Иначе оглянуться не успеешь, как голову откусят. А так хочется быть добрым и с друзьями жарить шашлычки на берегу озера в тамбовском лесу.

Он наступил на какое-то насекомое, хитиновый панцирь с хрустом вдавился в мокрую землю. Загототали, как пациенты палаты номер шесть, дикие обезьяны, скрывавшиеся в ветках.

Обезьяний край! Их вотчина. Людям здесь не место! Люди сами становятся обезьянами. Вон целая толпа вооруженных до зубов макак послушно валит за ним следом и гордо называется диверсионная группа. Да и является таковой, судя по поставленной боевой задаче.

Великанов обернулся и прикрикнул на ходу по-французски:

– Не отставать, немошь черная! Быстрее!

Жару он переносил не хуже, чем негры. Те давно еле передвигали ноги. А у русского еще был приличный запас хода.

Вперед. Шаг за шагом. Вот мелькнула оранжевая быстрая змея и просочилась меж корней, похожих на жирных питонов. А может, это и есть питоны? Здесь все кишит жизнью. Биологи говорят, что биомассы на квадратный километр джунглей раз в пять больше, чем в любимых среднерусских лесах.

Шаг за шагом. Не выпадать из ритма. И еще подгонять свою команду. Шаг за шагом. Вперед.

Перед этим марафонским забегом диверсионная группа, состоявшая из бойцов роты спецназа отдельной бригады крылатой пехоты Верхней Джумбы, на резиновых надувных моторках по протокам мутных желтых речушек добралась до точки высадки на границе с Республикой Макао. Впрочем, границы тут условны – кому придет в голову оборудовать контрольно-следовые полосы или хотя бы погранпосты в проклятых болотах и лесах. Даже будь у местных государств достаточно денег, что уже само по себе фантастика, пограничную полосу тут не обустроить никакими силами – легче в космос слетать.

– Не сбавлять темп. Раз-два-три, – понукал по привычке майор ВДВ Великанов. Бывший майор. А нынче кто? Самому бы понять и разобраться.

Черный, как смоль, негр-великан, тащивший десятикилограммовую рацию защитного цвета, закашлялся и присел на колено:

– Не могу... Жарко... Устал!

– Стоп, – остановил движение группы Великанов. – Сильно устал?

– Сильно. Нога не шевелится. Грудь не дышит, – закатив глаза, затараторил негр.

– Ну тогда на том свете отдохнешь. – Великанов не спеша опустил флажок предохранителя на своем надежном «АК-105» со складным пластмассовым прикладом и прибором для маломумной стрельбы.

Негр подскочил как ошпаренный.

– Могу идти. Могу, могу, могу.

– Группа должна к двадцати часам выйти к объекту. Попытки задержать ее продвижение расцениваю как предательство и мятеж. Дальше не обессудьте!

Негры закивали, с опаской глядя на командира – приземистого, квадратного, сплошные мускулы и жилы, лысого, как коленка, с круглым и внешне совершенно безобидным наивным

лицом и внимательными, все оценивающими и замечающими глазами. Они слишком хорошо знали русского и доверяли его угрозам, которые никогда не были пустыми.

Да, думал русский десантник, этот человеческий материал – далеко не высший класс. Эх, ему бы его десантную разведроту, с которой в девяносто пятом году ломился в Грозный и отвоевывал чердаки и подвалы. Вот бы шороху тут навели – только пух и перья бы полетели. Но надо работать с теми людьми, которые есть. Он и так выбрал лучших из лучших. И не один месяц превращал этих бывших крестьян, ремесленников и мелких торговцев в солдат, заставляя их молиться богине под названием «дисциплина». В ней, родной, корень всех проблем. Как прикажете воевать, если твой солдат отказывается идти на задание из-за колдуна, обнаружившего на нем дурной глаз? Или в их роду предстоит свадьба троюродного дяди его двоюродной тети – поэтому пускай пока повоюют другие. Безоговорочного повиновения русский добивался самыми нецивилизованными методами, проще говоря – изощренным психологическим и физическим насилием. Ему это не нравилось совершенно. Но здесь Африка. Для местных все высокие слова о долге, чести и присяге – пустое сотрясание воздуха. Здесь в цене только жесткость, боль и страх.

– Вперед! За мной! Не отставать!

Три десятка километров по такой местности – это уже, считай, две трети задания выполнено. А там останется дело за малым – присмотреться, определиться. И растереть все в пыль! Затем назад, к точке эвакуации. Там будут ждать два вертолета «Ми-8». Боевая задача станет выполнена. И ни одна горилла, которая вдруг легкомысленно решила, что устала и ей лень передвигать ноги, не помешает выполнению приказа.

Кричит прячущийся в зелени зверь. Ему вторят жуткие, как из преисподней, визги птиц. Давит многоголосый шум. Листья и ветки целятся в лицо. Веревки лиан норовят хлестнуть по щекам. Везде ядовито-яркие огромные цветы.

Ох, как же тяжело идти. Протяженность маршрута по европейским масштабам плевая. Сколько километров отбил подошвами ботинок Великанов на Кавказе и в Средней Азии – не сосчитать. Но в джунглях куда тяжелее. Температура – тридцать градусов. Жирная грязь под ногами. Полутьма – наверху сплошной зеленый шатер. Парилка. Духота страшная. Углекислого в десять раз больше нормы, поэтому воздуха не хватает. отвратные запахи гнили, испарения муравьиной кислоты. Влажный, мерзкий, будто живой туман.

Великанов чуть сбавил ход, давая подтянуться двум десяткам своих подчиненных.

– Эй-йа! – неожиданно взмахнул рукой проводник – двухметровый негр с бугрящимися мышцами, и застыл, как изваяние.

Все тут же послушно замерли.

В кронах деревьев, где-то на уровне второго яруса джунглей, что-то прошуршало легко, как ветерок.

– Лупатака. Хозяин леса. Большая кошка, – с уважением произнес проводник.

Леопард – ночной хищник. Живой кошмар местных жителей. Нечто невидимое и неотвратимое, как сам фатум. Смерть на мягких лапах. Конечно, «АКМ» – серьезный довод в споре с большой кошкой, скорее, даже неотразимый аргумент. Но мистический ужас туземцев перед этим волшебным существом не одолеют пули. Он забит в душу гвоздями.

Проводник поднял руки вверх, уставился в переплетение зеленых ветвей и гортанно запел на своем наречии, которое никто из присутствующих не знал. Как по волшебству, на несколько секунд в джунглях воцарилась относительная тишина. И шуршание в ветвях прекратилось.

– Я попросил хозяина леса пропустить нас, – пояснил пребывавший в мистическом напряжении проводник.

– Согласился? – спросил Великанов, по опыту знавший, что в таких случаях лучше не возражать.

– Он согласился.

– Ну тогда вперед. Не выпадать из темпа!

Великанов, понятное дело, не верил в эти шаманства. Но знал, что его подчиненные могут просто взбунтоваться, если духи скажут, что нельзя идти через проклятые места. Тогда даже показательный расстрел не поможет. Память предков нередко сильнее страха смерти.

Духота, казалось, сгущалась. Но это не так. Джунгли – консервант, температура и влажность тут постоянны. Непостоянна только усталость человека в борьбе с природой. Ничего. Выдюжим. На злости и на одной воле выйдем. Десантник бежит сначала сколько может, а затем – сколько нужно...

– Привал десять минут, – скомандовал Великанов. – Выставить боевое охранение.

Он уселся, прислонившись к гладкому стволу тропического гиганта, и вытянул гудящие ноги. Вытащил из кармашка компактный «джи-пи-эс» навигатор. Прибор, как ни странно, работал исправно. Он выглядел совершенно чуждым в этом первозданном краю. Казалось нереальным, что наверху летают спутники, посылают радиосигналы. Тут была первобытная стихия, нетронутая земля, изредка оскверняемая бегущими по своим делам тараканами, которые гордо называют себя людьми и выдают свой род за венец творения. Джунгли вечны. А человек? Его рано или поздно сожрет злоба. Вот и сейчас – двадцать людей идут по джунглям убивать себе подобных. И это нормально. Круговорот жизни и смерти в джунглях быстрый и естественный.

– Все, кончай ночевать. Подъем!

Вперед. Через реки, горы и долины.

Группа вброд преодолела широкую мелководную реку. Обошлось – не столкнулась ни со змеями, ни с крокодилами. Прорубилась через заросли, которые по берегам рек становятся почти непроходимыми. Тут сержант Уэбо завопил что-то на своем языке, прощаясь с жизнью и указывая на стремительно отползающую от его ног длинную серую змею.

– Ложная тревога, – хмыкнул Великанов, рассмотрев укусы – ядовитые зубы впились в толстый каблук. – Помирать тебе рановато. Нам еще с тобой сегодня в бой идти.

– Так точно, господин советник, – вытянулся сержант Уэбо; глаза у него налились кровью.

– Ну, тогда вперед. На Берлин, – хмыкнул Великанов.

Знать бы еще, что ждет там, впереди. Тут пока все покрыто мраком.

За каким таким африканским лешим командование Народной армии Верхней Джумбы столь срочно понадобилась эта вылазка? Великанов представлял это с трудом. По агентурной информации, враждебная Республика Макао разместила в лесах непонятный объект военного назначения.

Сначала кому-то из умников, так называемых аналитиков Генштаба Верхней Джумбы, закончивших военную академию в Англии, пришла в голову идея, что диктатор Республики Макао генерал Вамба Кагаме приобрел у Ирана ракеты средней дальности и готовится обрушить ракетный удар на столицу Катангу, тем самым стремясь добиться деморализации ее жителей и перевеса в вялотекущей войне. Мысль клинически идиотская. Даже если Вамба Кагаме вдруг и отыщет в бюджете деньги, которые еще не успел просадить на свои гаремы, автомашины и виллы в Ницце, то перебросить в джунгли и разместить там столь совершенное оружие, мягко говоря, проблематично. А еще более невероятно найти аборигена, который сможет запустить ракету. Иностранные же военные специалисты шарахались от Вамбы, как от чумного, памятуя его буйный нрав и неустойчивую психику.

Потом другой штабник объявил, что, возможно, на том загадочном объекте проводятся научные исследования. Эта идея была еще более абсурдной. Легче представить летающего африканского слона, чем пытливого ученого из Республики Макао, одной из самых невежественных, нищих и беспросветных стран Черного континента.

По мнению Великанова, лучше было, наконец, раздолбать вертолетную часть около Форта Чхаса, где базируются древний многоцелевой американский вертолет «УН-1 Ирокез» и два тоже далеко не первой молодости французских «Алеута III». На них совершались разбойничьи вылазки на север Верхней Джумбы, с них сбрасывалось оружие и грузы бандам, именующим себя Фронтом национального возрождения. Их уничтожение сняло бы массу проблем. Но приказ есть приказ. И вот группа плетется по джунглям.

Проводник вел группу уверенно. Около некоторых пальм он бил поклоны и разбрасывал хлебные крошки, задабривая духов. Другие обходил стороной. Но неумолимо продвигался вперед. Знать бы еще наверняка – куда именно. Великанов не отличался доверием к людям в целом, а к неграм особенно. И проводник вполне мог оказаться полупроводником, братом Ивана Сусанина. Поэтому русский десантник предупредил его, что в случае, если тот замыслил дурное, отрежет ему голову, а вспоротый живот набьет листьями. Проводник все понял. И поверил. Недаром белого воина прозвали Чупака – это местный дух войны. У русского военного советника была соответствующая репутация, и он не нуждался в рекламе.

С первого же привала Великанов ловил на себе напряженные взгляды проводника. И наконец полюбопытствовал:

– Что так смотришь, король джунглей?

– Ты, белый, здесь чужой, – произнес проводник.

– Тут ты прав. Но с судьбой не поспоришь.

– У тебя трудная судьба, – закатив глаза, произнес проводник. – Ты не успокоишься до смерти, Чупака.

– И тут ты, наверное, тоже прав...

Лес сильно поредел. Стали попадаться следы цивилизации – мусорная свалка, пластиковые бутылки, ржавые железяки. К расчетной точке вышли минута в минуту.

Теперь – не зевать. Засвеченная диверсионная группа – уже не охотник, а жертва. Главное – скрытность, быстрота и натиск.

За зарослями кустарника послышался шум мотора. По размытой недавним дождем дороге, елозя, прокряхтел старенький грузовичок, полностью утративший былые формы и похожий на автомобильные фантазии из постапокалиптического «Безумного Макса».

Так, здесь есть машины. Дороги. Населенные пункты. Цель близка. А значит, дальше ломиться всей толпой нельзя. Нужно обустроиться в хорошо укрытом от посторонних глаз пункте сосредоточения, замаскироваться. И провести разведку перед ударом.

На рекогносцировку, справедливо не доверяя своим помощникам, Великанов двинул сам, взяв в сопровождающие сержанта Уэбо – человека поразительно зоркого и наблюдательного.

Рывком они преодолели редколесье. А дальше – на полусогнутых. На четвереньках. Ползком. Медленно. Прислушиваясь и приглядываясь. Дыша через раз. По кустам и ложбинам. Вдоль по оврагу. Утонув по колено в ручье. Хорошо хоть здесь при таком обилии животных бессмысленно ставить сигналки и мины.

Оба извозились в грязи. Уэбо, неудачно свалившись, расцарапал шипом какого-то растения ногу. Но зато, укрывшись в полосе кустарника, с выбранной удачной позиции диверсанты могли спокойно обозревать искомый объект.

– Они не ждали, ну а мы уже пришли, – шепотом процитировал Великанов старую десантную песню.

Русский майор еще не знал, что именно здесь его привычному существованию суждено разбиться вдребезги, как корвету, налетевшему с размаху на риф. И сигнал на штурм подведет жирную черту под его прежней жизнью.

Глава 3

Вовка стоял, зажмурив глаза. Ему не хотелось сейчас смотреть вниз. Не хотелось двигаться. А хотелось бежать отсюда. Он отчаянно боялся.

– Ну же, Вовка, давай, – слышался голос отца. – Не тяни.

Вовка открыл глаза и глянул вниз. Ласковая зеленая вода с такой высоты казалась ловушкой. Шагни вперед – и разобьешься в лепешку.

– Высоко, – протянул Вовка, стараясь, чтобы голос его предательски не дрогнул.

– Высоко, – согласился Влад. – Даже очень. Боишься?

Вовка отчаянно замотал головой – мол, как о нем такое могли подумать!

– Боишься, – кивнул Влад. – Это правильно. Все нормальные люди боятся. Главное, не стать рабом страха.

– Рабом, – повторил Вовка. В десять лет все воспринимается достаточно ярко. И он представил свой страх в образе пузатого янычара с плеткой, который колотит его нещадно. И мальчишке стало жалко себя. И обидно за такую несправедливость.

– В рабстве не живут. В рабстве существуют. Нужно уметь победить страх. Отогнать его одним пинком. Стать выше его. Ну же, Вовка!

Мальчишка уверенно кивнул. Ему хотелось быть таким, как отец, – самым сильным, умным и надежным. Правда, они видятся нечасто, но тем дороже эти моменты. И Вовка просто не имеет права хоть в чем-то разочаровать отца.

– Я никогда не буду ничьим рабом, – упрямо прошептал мальчишка.

И шагнул вперед.

Ужас смешался с восторгом. Мгновение свободного падения. Чувствительный удар о воду. Сомкнувшееся над головой море. Затягивающая глубина. Давление в ушах. И паническое ощущение – отсюда не выбраться. Это конец...

Это ощущение ударило по сознанию. «Выберусь! Смогу!» – твердил про себя Вовка. Его тело, подчиняясь заклинанию, стало двигаться привычно и сильно – физически он был развит не по годам. Рядом в воду вошла торпеда – это отец, как большая и сильная рыба, пронзил морскую гладь. Теперь ничего не страшно.

Выше и выше. Поверхность все ближе. И вот он, глоток свежего воздуха!

Вовка, отфыркиваясь, бултыхался на поверхности. Наконец он увидел отца, тот махнул ему рукой, и они поплыли к берегу.

– Вы что, совсем с ума сошли! – закричала Настя, подбегая к сыну и хватая его за руку.

Увлеченная приготовлением бутербродов, она упустила из виду, чем занимаются мужчины. И теперь ее лицо было перекошено от злости и страха.

– Настюш, мы тут плаваем, – произнес Влад, выбираясь на берег вслед за сыном.

– Вы оттуда сиганули?! – воскликнула Настя, кивая на утес. – Он маленький дурак! Но ты-то – взрослый лоб! Господи, – она схватилась за голову.

– Настюш, – Влад виновато приобнял ее за плечи.

– У меня один ребенок! Один!

– Извини, – еще более заискивающе сказал Влад и потерся щекой о ее щеку.

Подействовало. Настя смягчилась. И тут Вовка встрял с назидательной тирадой. Он отчеканил командным голосом:

– Русский офицер не боится ничего. И не должен обращать внимание на страх, опасность и смерть.

Он ждал восхищения и похвалы. А заработал совершенно очумелый взгляд матери. Она резко повернулась и пошла к разложенному на песке покрывалу.

– Ну что, русский офицер, – вздохнул Влад. – Выдал пафосную речугу. Чего теперь делать-то будем?

Вовка пожал плечами. Мол, разве вас, взрослых, поймешь. Взяв ласты, он направился к морю. Но Влад поймал его:

– Самовольная отлучка? Ну-ка, быстро. Дыхательные упражнения. И первый гимнастический комплекс. Поехали.

Они начали разминаться, и Настя, присев на песок, невольно залюбовалась убийственной и мощной, как у леопарда, грацией высокого, атлетически сложенного Влада, изяществом и гибкостью сына.

Пообедав, позагорав и наплававшись вдоволь, семья уселась в джип и направилась в поселок. День можно было бы считать удавшимся, если бы не тот самый инцидент. Влад знал, что сын всегда боялся высоты. И что такой страх должен быть побежден. И радовался в душе, что сыну это удалось. Вот только, конечно, Насте видеть это было совершенно не обязательно.

Дорога петляла между зелеными холмами с приютившимися на них разноцветными домиками. Здесь было жутко красиво и малоллюдно. Край света. Новая Зеландия. Южное полушарие. В Москве зима. Здесь – разгар лета. Изумительно красивые края. Беззаботный мир. Хорошие, добрые люди. Будто и не земля это вовсе, а какая-то другая Вселенная, лишенная многих чернильных пятен, наполненная солнцем, зеленью и бесконечной голубизной высокого неба.

Край света. Сюда Влад обещал увезти свою семью, когда уходил в последний раз. Он выполнил обещание. Вернулся, в очередной раз сумев пройти по лезвию бритвы и остаться живым. К этому ощущению обновления мира, когда возвращаешься из преисподней, привыкнуть невозможно. Внутри все поет – я жив и смотрю на этот мир. Я опять живой. И он увез своих родных на этот самый край света...

Джип въехал в небольшой рыболовецкий поселок. Вовка подпрыгнул на сиденье и замахал рукой идущему с удочками к морю своему смуглому местному приятелю – загорелому сорванцу лет двенадцати от роду.

– Майк!

Тот в ответ тоже радостно замахал рукой.

Влад загнал машину во двор виллы. Возившийся со своим чудесным садом Андре крикнул:

– Привет, путешественники!

Влетев в дом, Вовка сразу бросился к компьютеру.

– Тебе полчаса на игры. Потом занимаемся английским, – сообщила Настя.

– Ну м-а-а-ам!

– Вот тебе и мам.

Вовка досадливо нахмурился – мало. Но с мамой спорить бесполезно – она железная леди, все равно будет по ее. Поэтому отведенные полчаса он решил использовать по полной. И вскоре из его комнаты донеслись оглашенные вопли зомби, расстреливаемых из штурмовой винтовки.

Настя включила телевизор. И начала бессмысленно перещелкивать с программы на программу.

– Ну что ты дуешься, Настюш? Ну извини. Но парня надо воспитывать.

– Воспитывать? Кем?

– Мужчиной. Защитником. Солдатом.

– Я знаю, Влад. Ты сделаешь так, как считаешь правильным. Вовка будет, как и ты, уходить в неизвестность. А я буду изнывать от нее. Влад, так нельзя! Это несправедливо! Хватит мне и тебя!

– А как ты мыслишь по-другому? Хочешь, чтобы Вовка стал офисным планктоном? И зарабатывал бы деньги, разменивая жизнь на фантики?

– Я все время боюсь. За тебя. За него.

Влад совсем погрузился. И покрепче прижал к себе свою самую красивую в мире и любимую Настю.

– Нам нужен еще один ребенок. Девочка. Она будет твоя. А Вовка мой.

– Да ну тебя! – Настя ткнула его локтем в бок.

– Ну что, как мне искупить свою вину? – Он отпустил ее и театрально припал на колено. – Какое чудовище мне поразить мечом, прекрасная дама?

– Ну, клоун же. Настоящий клоун.

Послышался язвительный смешок. Это Вовка появился в дверях.

– Вот и мой оруженосец, – махнул в его сторону Влад. – Пойдем на драконов?

– Не вопрос, – радостно сообщил Вовка. – Забили тему!

– Это ты где таких слов набрался? – возмутилась Настя.

– Я еще и не такие знаю, – буркнул Вовка еле слышно. Но Настя расслышала, легко поднялась с дивана и отвесила сыну вполне конкретный подзатыльник.

– Бить детей непедагогично.

– Ты еще о правах человека вспомни!

– И вспомню! Еще полчаса на компьютере, – потребовал контрибуции Вовка.

– Да ладно, что с тобой сделаешь. Иди, – махнула рукой Настя.

Она переключила программу телевизора. И наткнулась на английский канал. Политический обозреватель на фоне кадров с истощенными, рахитичными детьми и негров с «АКМ», бойко вещал:

– За время освобождения от колониальной зависимости в странах Африки погибло от войн и сепаратизма более десяти миллионов человек. Хотя, скорее всего, эта цифра сильно занижена. Сегодня Африканский континент – один из главных центров напряженности и конфликтов на земном шаре.

– Ух ты! – воскликнул Вовка. – Они воюют.

– Воюют, – кивнул Влад. Он не раз мог убедиться в этом. Еще когда работал в спецназе ВДВ и участвовал в испытаниях высокоточного оружия в Эфиопии. И позже, когда колесил по тем краям в составе подразделений французского легиона.

– А они чем там воюют? – не отставал Вовка, которого почему-то взволновала эта тема. – Стрелами и луком?

– И луком. И огурцами, – хмыкнул Влад.

– Ну ладно тебе!

– Воюют тем, что под руку попадется. Булыжниками. Луками. Самолетами.

– Ух ты. А как там вообще? Ну ты же там был. И ничего не рассказываешь.

– В Африке ужасно. И опасно. В Африке акулы. В Африке гориллы. В Африке большие злые крокодилы.

– Я же серьезно, пап.

– И я серьезно. Иди играй...

Хозяин виллы Андре презентовал им джип в вечное пользование. И следующим утром они на нем собирались отправиться в места, где снимались известные голливудские блокбастеры. Вовка мечтал об этом. А желание ребенка – закон для родителей. Тем более и сам Влад не прочь взглянуть на места боевой славы гоблинов, орков и разных там эльфов. Ближайшие дни они распланировали. И вообще жизнь была хороша.

Была. До следующего утра. Пока не запиликал телефон.

Влад проснулся от его противного звука. Вытащил руку из-под головы Насти. Схватил телефон. И внутри стало пусто. На дисплее прерывисто переливалась синяя полоска. Затем прошла эсэмэска.

Простенькая на вид «Нокиа» на деле представляла из себя сложную систему спутниковой связи, служащую для того, чтобы в любом месте и в любое время можно было выйти на связь с оперативником и чтобы канал никто не засек.

Ничто не ново под луной. Отдых опять испорчен.

Синий приоритет. И инструкция – короткая и простая. В ближайшие минуты Влад должен собрать чемодан и двинуть в Москву.

О чем он и сообщил проснувшейся Насте.

– Но... – произнесла она, беспомощно глядя на него.

– Какие тут могут быть «но»? – пожал плечами Влад.

– А мы?

– А вы остаетесь. За вами присмотрит Андре.

Это правило. Ни один функционер «Пирамиды» ни при каких обстоятельствах не оставлял семью без присмотра организации. Отправляясь к черту в пасть, он должен быть уверен, что семья в безопасности. И в любом случае она не останется без поддержки. Вот и сейчас Влад оставлял своих на попечение Андре.

Отправляясь к черту в пасть? Да, именно туда ему и предстояло отправиться. Синяя полоска. Синий приоритет. Это означало – затевалось что-то очень серьезное. Иначе Влада Абросимова, оперативный псевдоним Русич, лучшего оперативника и боевика «Пирамиды», не стали бы лишать заслуженного долгожданного отдыха.

К черту в пасть? Не в первый раз. И, главное, чтобы не в последний...

Глава 4

В безбликовый спецназовский бинокль Великанов, стараясь не обращать внимания на клубящихся москитов, рассматривал военную базу – если можно так назвать окруженные кустарником и приземистыми пальмами неказистые постройки в ажурном обрамлении столбов с ржавой колючей проволокой.

Дьявол кроется в деталях. Хороший разведчик умеет замечать эти самые детали в окружающей действительности и делать правильные выводы. А Игорь Великанов разведчиком был высококласным.

Итак, что у нас получается? – прикидывал он, подкручивая окуляры. Самое большое здание – это, скорее всего, казарма. Дальше дощатое строение – наверное, штаб, там же и оружейка. Еще одно длинное двухэтажное строение из каменных блоков – оно выглядит аккуратно и основательно. Интересно, там что такое? Вряд ли казарма – командиры ни за что не станут селить своих дикарей в таких цивильных помещениях. Деревянная будка, от которой тянутся провода, – там наверняка генераторы. Большинство проводов идут именно к блочному зданию. На краю территории, подпирая колючую проволоку, вздымаются два больших ржавых бака на дощатых настилах.

Ведет к объекту разбитая дорога. Метров триста она заасфальтирована. Дальше плавно переходит в обычную проселочную и тянется в сторону города Дьеза Кале, расположенного в пятидесяти километрах к югу.

Что у нас с транспортом? На территории где попало расставлены автомашины. Вон около казармы застыл уже знакомый уродливый грузовичок-мутант, который диверсанты видели еще на дороге. Около штаба под навесом приютился, как хищник в засаде, армейский колесный бронированный джип повышенной проходимости, по-простому «Хаммер». На нем крупнокалиберный пулемет М2 «Браунинг» – штука серьезная, даже шикарная. Врежет со всей дури – мало не покажется. Значит, это первоочередная цель. Рядом с забором стоит тяжелый военный российский грузовик «Урал» – их в Африке неслучайно еще с тех времен, когда СССР ударными темпами экспортировал на Черный континент социализм, а вместе с ним и боевую технику.

А как дела обстоят с обороной? Как обычно – слабовато. Автоматчик прогуливается около штабного здания. Еще один прилег за мешками рядом с блочным строением. И на плоской крыше казармы тяжелый пулемет – вещь тоже сильная. Великанов поймал в окуляры бинокля пулеметчика. Тот сидел под обвисшим от безветрия на древке флагом Республики Макао и лопал какой-то экзотический фрукт, запивая водой из фляги. Закончив трапезу, он вытер руки и лицо полотенцем национального флага и свернулся калачиком около песочного мешка. Да, смести его гранатометным выстрелом или убрать из снайперской винтовки труда особого не составит, благо он расслабленно подставляется, будто позировает.

Что тут с живой силой? Туда-сюда шныряют негры Одни одеты скудно, а другие забавно, но все с автоматами Калашникова и помповыми ружьями. Можно было разглядеть даже знаки отличия, которые давали основания причислить этот сброд к регулярным вооруженным силам Республики Макао. На небольшом плацу перед штабом бойцы с горячим энтузиазмом рабов на плантации отрабатывали строевые приемы, выполнение которых сопровождалось пинками и криками со стороны «плантаторов»-командиров.

По предварительным прикидкам, в гарнизоне около полусотни военнослужащих. Достаточное количество народу, чтобы организовать хорошую оборону, да еще понатыкать на местности вокруг секретов, где замаскировавшиеся бойцы будут ждать непрошенных гостей. Но, похоже, не организовали. Секретов нет. Нормальной линии обороны нет. Есть вечное негритянское раздолбайство.

– И чего они здесь делают? – негромко произнес Великанов, отрываясь от бинокля и смахивая ладонью пот, который ел глаза.

– Живут, наверное, – рассудительно заметил Уэбо.

– Ну да. Лес. Птички. Дворянское гнездо, – хмыкнул Великанов, но сержант не понял, к чему это он.

Объект может быть чем угодно – тюрьмой, фабрикой по производству наркотиков. Но только не позицией пусковых установок. Если, конечно, не принять за ракету одинокую водопроводную трубу, торчащую непонятно зачем вверх.

Опасения Генштаба не подтвердились. Значит, диверсионная группа ломилась через все джунгли, чтобы полюбоваться на несколько десятков негров с автоматами. У Великанова иногда создавалось ощущение, что негритянские вожди используют его и десантников как любимую заводную игрушку. Заводят ее ключиком и выпускают на волю попрыгать.

Великанов прогнал посторонние мысли и вернулся к работе. В его голове будто защелкал тактический компьютер, просчитывавший все варианты. Проникновение на базу. Снятие часовых. Захват территории. Уничтожение противника. Отход.

Когда в голове сложился план действий, Великанов напоследок обвел еще разок биноклем объект. И удивленно крикнул. Это кто еще тут такие красивые? Из блочного здания вышли двое. Европейцы. Притом один из них в синем халате – как в сериале «Скорая помощь». Ничего себе картинка!

Вспомнилась идея о проводимых здесь научных исследованиях. Нет, бред, не может такого быть. Хотя в мире бывает все... Но сейчас это и не важно. Боевая задача – уничтожить объект. И с наступлением темноты так и будет. Пленных не брать. Выжженная земля!

Вернувшись к основной группе, умело рассредоточившейся на окраине леса, Великанов довел до подчиненных план действий. Определил штурмовые группы и группы прикрытия. И, обведя глазами преданно смотрящих на него бойцов, молил бога, чтобы они не подвели. Сколько сил он вколотил в боевую учебу. Добился оснащения спецгруппы по европейским стандартам. Пришлось попотеть, чтобы научить негров пользоваться рациями и приборами ночного видения. Особенно благоговейно относились они к кошачьему глазу – так именовали прибор ночного видения, который позволял им сравняться с леопардами и колдунами. Подготовка у группы по местным меркам отличная. И опыт боевых действий есть. Оставалось только реализовать эти преимущества. И, главное, отработать без потерь. «В нашем деле потери не очень приятны», – как пел Высоцкий.

Великанов закончил постановку боевой задачи словами:

– Выжидаем. Выдвигаемся на исходные позиции по одному тоновому сигналу рации. Отмашка на штурм – три тоновых радиосигнала. Кто не понял – я повторю. Могу и не один раз. Но чтобы потом никто не говорил, что недопонял.

Непонимающие, конечно, нашлись. И Великанов успокоился только тогда, когда порядок действий отскакивал от зубов каждого бойца. Когда зазвучат выстрелы, объяснять будет некогда...

В Африке темнеет стремительно. Только что было голубое небо. Вот оно окрасилось кровавыми брызгами заката. И уже всю землю сковала в своих объятиях тьма. А вместе с ней полезли ночные кошмары. Джунгли заголосили на разные лады дикими голосами ночных животных. И дневная разноголосица перед ночной какофонией – что писк комара против показательного выступления рок-группы «Песни ада».

Еще час – и на объекте негры разошлись по казармам, оставив караул. Через некоторое время караульные тоже разошлись кто куда. Территория базы скудно освещалась двумя фонарями. Проектор на крыше не работал. Просто отрада диверсанта.

Пальцы Игоря гладили флажок предохранителя. Это движение давно стало его привычкой. Только сумасшедших не крутит от страха неизвестности перед началом смертельной

драки. Некоторые бойцы становятся угрюмыми. Другие болтают без умолку. Великанов же гладили пальцами автомат и иногда выбивал на нем дробь. В этот момент не верилось, что вскоре он шагнет навстречу огню и смерти. Первый шаг – это всегда трудно. А потом на нервы и тяжкие думы не останется времени. Заработают боевые рефлексy, да подхватит высокой волной разухабистый русский кураж. Дави, руби, стреляй.

Все. Время ожидания вышло! Пришло время убивать и умирать – кому как повезет, кто окажется ловчее!

– Работаем, братцы, – нервно кивнул Великанов, нажимая на танкету рации.

И вперед скользнули тени. Как выпущенные из лука стрелы – каждый к своей цели.

На острие удара был сам Великанов. За ним следом бесшумно двигался сержант Уэбо. Этому человеку русский десантник спокойно доверял прикрывать свою спину.

Великанов поймал в прорезь прицела будто специально очерченный лампочкой для удобства прицеливания силуэт единственного бодрствующего часового – пулеметчика на крыше казармы. Плавнo заскользил палец на спусковом крючке. Приглушенный прибором маломощной стрельбы звук выстрела был полностью поглощен какофонией тропического леса.

– Доброй дороги на небеса, – проводил Великанов отлетающую душу убитого, ощутив на мгновение привычный неприятный холодок.

Дальше его движения были легки и естественны, как дыхание. Подоткнул палкой лежащую на земле проволоку, пролез под ней. Проник на территорию. Согнувшись, мягко перебежал открытое пространство и очутился за баками с водой. Дальше ползком, напряженно оглядываясь, на сто пятьдесят процентов активизировав все органы чувств. Блики, шорохи, запахи, сотрясение почвы – все сейчас имело значения. Разведчик – это локатор. Он должен обнаружить цель раньше, чем она врежет по нему.

Великанов броском рванулся в сторону казармы, спрятался за нелепым грузовичком. Осмотрелся и перевел дыхание. Похоже, его зона ответственности свободна. Ни одного человека. Спят, как сурки. Уэбо тоже двигался мягко и тихо – не придерешься.

На миг его даже неприятно кольнуло. Воевать с неграми при их умении полностью игнорировать все уставы и правила, в том числе и караульной службы – это как с малыми детьми драться... Но у этих детей автоматы. И они более многочисленны. И могут наделать дел. Поэтому придется работать жестко.

Из-за угла казармы появился вертлявый худосочный негр. Он ритмично постукивал ложкой по котелку и явно находился в сладостном предчувствии жратвы. Еще чуть-чуть, и он наткнется на диверсантов, расположившихся за навесом прямо по его курсу. Нужно с ним решать быстро...

Когда любитель ночной каши прошел мимо грузовичка, Великанов, приноровившись к его шагам, тенью скользнул за ним. Бесшумно возник за его спиной. Зажал рот ладонью. Лезвие ножа вошло под сердце.

Оттащив обмякшее тело за машину, Великанов с облегчением перевел дыхание. Сердце, выпрыгивающее из груди, постепенно успокаивалось. Сердце надо беречь. Ему еще немало сегодня предстоит пережить наполненной адреналином крови.

С другой стороны в это время решительно действовали черные спецназовцы. Проникли они на территорию гладко – как учили. Не зря Великанов бил их палкой по черным пяткам и заставлял стоять часами на солнцепеке, изнывая от жажды. Уроки даром не прошли. Двое часовых – около штаба и у ворот, не успев произнести ни звука, вырезаны во сне.

Диверсанты рассредоточивались по базе, распределяясь для ведения согласованного огня. Секунды щелкают. Главное, не потерять ни одну из них. Они сейчас слишком дороги!..

Великанов с Уэбо скользнули к блочному домику, прижавшись спиной к стене.

Все, территория перекрыта! Сейчас начнется безжалостная мясорубка!

Игорь сжал кулак что есть силы. Ну что, пора начинать огневое поражение противника! Со всех стволов! Сейчас!

И тут на землю упал квадратик света – дверь блочного дома со скрежетом распахнулась. На порог вышел закурить высокий европеец, голый по пояс, с сигаретой в зубах. Он затаился. Потом настороженно оглянулся – явно что-то почувствовал. Уставился в сторону, где в лунном сиянии была заметна фигура плохо спрятавшегося за «Хаммером» диверсанта.

Сейчас он разинет свою пасть и заорет. А это совсем уж некстати!

Рванув из ножен уже побывавший только что в деле десантный нож, Великанов метнул его. Удивительно – точно в десятку! В незащищенную шею! Готов!

Русский десантник рванул вперед, перепрыгнув через согнувшегося предсмертно хрипящего европейца. Нельзя обращать внимания на чужие страдания. Это сейчас не человек. Это всего лишь еще одна слабая фигура на поле боя. Их смахивают походя, тут же забывая о них.

– Прикрывай! – крикнул Великанов сержанту.

Если в этой черной дырище и есть что-то важное и ценное – то только в этом блочном здании. А значит, во что бы то ни стало надо проникнуть в помещение.

Со стороны казармы послышались звонкие хлопки выстрелов. Местные вояки переполошились. Бабахнула наступательная граната. Ну все, понесся дилижанс по кочкам! Теперь можно не таиться и не стесняться.

Великанов швырнул ребристую гранату «Ф-1» в проем двери. Когда там грохнуло, вдвоем с сержантом ворвались в помещение, иссеченное осколками.

На территории базы уже вовсю звучал оркестр войны – грохотали выстрелы. Рвались гранаты. Ухнул и исторг пламя, как Змей Горыныч, ручной гранатомет.

Великанов, преодолев иссеченный осколками предбанник, помчался по длинному, через все здание, коридору, освещенному тусклыми желтыми светильниками.

Дверь справа распахнулась. В коридоре возник белокожий охранник с американской автоматической штурмовой винтовкой «М-16» наперевес. Чуть ли не лбами столкнулись – врагов разделяло метра три. Зрачок ствола бросил взор на русского десантника, готовый выплюнуть свинцовую смерть. Оставалось лишь легкое усилие – нажать на спусковой крючок. Не срослось. Великанов выстрелил первым – рубанул короткой очередью. В этом деле расклад простой – кто быстрее выживет. Великанову пока что всегда удавалось успевать первым!

Он перепрыгнул через рухнувшее тело. И тут в него выстрелили сзади...

Это несущийся следом Уэбо споткнулся и полетел на пол, палец его сжал спусковой крючок, и автомат Калашникова выдал очередь вверх. Пуля пропела рядом с ухом Великанова.

– Твою мать! – крикнул русский десантник.

На большее времени не было. Нужно двигаться вперед.

В конце коридора десять ступеней ведут вниз, а дальше – тяжелая приоткрытая дверь. Великанов уже приноровился швырнуть туда еще одну гранату. Но что-то его удержало – это было странное и очень реальное предчувствие страшного. Не давало ломиться вперед сломя голову и хорошее знание подобных объектов. Игорь вытянул из разгрузочного жилета единственную светошумовую гранату, дернул кольцо и бросил внутрь.

Грохнуло. Сверкнуло. Русский десантник рванул в помещение за тяжелой дверью. Там были оглушенные и ошарашенные грохотом и световой вспышкой, но совершенно невредимые двое белых в голубых лабораторных халатах. Эдакие любители ночной сверхурочной работы.

Прислонившегося к стене и сжимавшего руками уши пузатенького, низкорослого, зажмурившегося бородача Великанов рывком за шкуру уронил на пол и наградил мощным ударом ноги. Второй уже лежал на полу, издавая звуки, похожие на всхрюкивания и всхлипывания.

Непосредственная угроза устранена! Теперь можно и оглядеться.

Стены просторного подвального помещения были покрыты светло-зеленым пластиком. Наверху – длинные лампы дневного света, отбрасывающие мертвенный свет на столы, кресла,

компьютеры, сложную, явно очень дорогую аппаратуру. За толстым бронированным, отливающим синевой стеклом находились два жилых тесных блока. Один – пустой. В другом – три койки, на которых без движения лежали высохшие мумии с желтой, как пергаментной, кожей. В таком состоянии люди не живут... Великанов вздрогнул, когда одна из мумий зашевелилась, приподнялась и протянула в его сторону руку.

– Египетская сила! – Великанова пробил холодный пот от жути этого жеста ни живого ни мертвого человека. Что здесь, черт возьми, происходит?!

В углу стоял стеклянный шкаф с костюмами микробиологической защиты, похожими на скафандры из «Звездного пути». И от этого стало еще более жутко. Судя по всему, здесь творились какие-то богомерзкие дела.

Ошарашенные увиденным, Великанов и сержант Уэбо на миг потеряли бдительность. Белый бородач оказался на редкость живучим и очухался. Он уперся ногами в пол и стал приподниматься, скользя спиной по стене.

Великанов почувствовал затеянные противником подвох и пакость, хотя тот и не был вооружен. Резко обернулся, вскидывая автомат. Палец уже давил спусковой крючок, и вместе с этим жгло осознание – опоздал!

Пули проделали аккуратные дырки в синем халате и прошли грудь бородастого. Но свое черное дело он успел сделать. С размаху, из последних сил, врезал по находящейся за стеклом в метре от пола кнопке. Брызнуло стекло. Кнопка вдавилась. И на лице умирающего появилось умиротворенное выражение. Он отправился на тот свет с сознанием выполненного долга.

Коротко и заунывно завывла сирена. Замигала красная лампа под потолком. Неоновый свет стал блекнуть.

– Твою бабушку за ногу! – выругался Великанов и кивнул сержанту Уэбо, тупо палившемуся на мигающую красную лампу. – Отход!

Великанов не знал, сколько у него осталось времени. Но, судя по всему, немного. Поэтому он успел лишь подобрать лежащую на кресле пустую спортивную сумку – будто специально для них подготовили, смахнул туда лежавшие на столе диски и лабораторный журнал. И бросился из здания.

Территория была уже зачищена. Дым валил из окна казармы. Пылала бочка с бензином. Противник полностью уничтожен, и теперь диверсанты рыскали по территории в поисках трофеев. Один подобрал в штабном домике плазменную панель, всерьез намереваясь переть ее через все джунгли. Другие чернокожие завоеватели тащили из складского помещения барахло – пакеты, ящики.

Великанов на ходу вдавил танкету рации, подавая сигнал срочного отхода. И добавил привычным голосом:

– Уходим! Сейчас здесь все взлетит на небеса!

На ходу он дал тумака негру с плазменной панелью. Тот выронил свой трофей и припустился вперед.

– На выход, я сказал! – Великанов подобрал лежащий на земле китайский автомат Калашникова и выдал вверх длинную очередь.

Но унять страсть своих подчиненных к грабежу за оставшиеся секунды было невозможно. А то, что время вышло, русский ощущал нутром.

Рвя жилы, он преодолел расстояние до границы базы, пинками отправил некоторых своих подчиненных в прорезанный проем в колючей проволоке и сам нырнул следом.

Тут и шархнуло. Мощно. Жутко.

Ночь на миг стала днем. Вверх взметнулся огонь с клубами дыма. И пламя растеклось по территории базы, пожирая замешкавшихся людей. Взрывчатки хозяева объекта не жалели. Да и взрыв был какой-то странный – очень уж похожий на объемный.

За миг до этого Великанов упал на землю. Взрывная волна прошлась по его волосам и прошелестела по кустам.

Живой!..

Точка сбора в паре километров от базы. Когда контрольное время вышло, Великанов устроил перекличку. И со скорбью отметил, что группа потеряла пятерых бойцов. Причем при штурме погиб только один. Остальных сгубило мародерство.

Возвращение прошло без проблем. По уцелевшей рации спецназовцы сбросили сообщение о выполнении задания. Потом – точка эвакуации. Трясущиеся, как кофемолка, дребезжащие, но все еще уверенно пластающие лопастями воздух самые надежные в мире воздушные извозчики «Ми-8». Южный аэродром, где Великанов доложил встречавшему на взлетном поле представителю Генштаба о результатах операции и боевых потерях. И в конце пути – надоевший военный городок на окраине Катанги.

Не дав даже оставить оружие, Великанов выстроил группу на плацу. Он говорил холодно и спокойно, но подчиненные знали, что за этим хладнокровием скрывается праведная ярость:

– Ну что, бойцы. Я что-то не вижу Бадакара. Нет его? А где Дади? Куда-то запропал Мухаммед. Где они? Кто скажет?

Прищурившись, он обвел взглядом поредевший строй.

– Молчите? Тогда я скажу. Их нет. И на этом свете мы их больше не увидим. Пять наших боевых товарищей остались в проклятой Макао. Разменяли свои жизни на барахло. Мы потеряли пятерых! Они могли бы стоять в этом строю. Но их нет. А каждый из них был обучен мной лично. Каждого я считал своим бойцом и за каждого отвечал. И когда нужно было выполнять приказ, они тянули тряпье, как женщины на базаре! Это не боевое подразделение! Это воровская шайка! Что, дикари, есть возражения?

Дикари понуро молчали.

– В следующий раз кто на секунду промедлит с выполнением моего приказа, даже если я прикажу залезть в зад гиппопотаму, будет расстрелян на месте. Возражения? Замечания? Ругательства? Нет? Тогда раз-з-зойдись!!!

Сдав оружие и экипировку, Великанов сел в старенькую светло-серую «Мазду» и добрался до своей четырехкомнатной виллы. В ванной он скинул грязный камуфляж. Долго смывал с себя грязь. Потом, усилием воли переборов в себе желание распластаться на белоснежных простынях, сел к столу и принялся просматривать свою добычу – DVD-диски из лаборатории. Как и ожидал – ровным счетом ничего не понял. Какие-то формулы, цифры и диаграммы. На его взгляд, ничего интересного. Но он знал людей с более широкими интересами.

На следующий день через Интернет в интернет-кафе в центре города (береженого бог бережет) он сбросил закодированное сообщение. Оно ушло в далекую Москву, в холодный, промозглый декабрьский город – усталый, суетный и родной. Через два дня туда же отправились и DVD-диски, за которыми из России прилетел специальный курьер...

Аналитики «Пирамиды» быстро разобрались, что попало им в руки. Эта информация легла недостающей деталью в головоломку. Деталь не главная и не последняя, но после нее конструкция начала напоминать что-то осмысленное. И стало понятно, где искать другие детали.

Настала пора действовать. И тогда в Новую Зеландию полетело сообщение отпускнику Русичу – срочное возвращение.

Влад Абросимов из Веллингтона до столицы России добрался с двумя пересадками. И поздним вечером он был в Москве, на конспиративной квартире номер одиннадцать, где его куратор и лучший друг Олег Денисов (оперативный псевдоним Медведь, внешность соответствует – мощный, как танк, гигант) передал ему все необходимое. Сюда входили: флешка с

закодированной информацией, где была вся аналитика по новому проекту «Иерихон», легенда, план действий, сведения о составе группы и способах связи.

Ознакомившись с ситуацией, Влад, устроившийся на диване с ноутбуком на коленях, с уважением и несколько озадаченно произнес:

– Густая каша заваривается. План оперативных мероприятий можно корректировать?

– Несущественные корректировки допускаются, – кивнул Медведь, отхлебывая кофе из огромной, под стать ему, кружки. – Только не слишком резвись.

– То есть народное творчество не приветствуется... Все равно самые продуманные планы мероприятий летят к чертям, когда доходит дело до их реализации.

– Соберись, Влад. – Медведь со стуком поставил кружку на керамический журнальный столик. – У проекта синий приоритет.

– Синий приоритет, – повторил Влад, смакуя эти слова. – Я в курсе, что это означает.

– Глобальное противостояние. Тихая война на взаимное истребление...

Глава 5

Из динамика в уютном салоне темно-вишневого «Ниссана Тино» равнодушным голосом, которому так и не удалось придать должной озабоченности, вещал диктор:

«В ответ на ракетный обстрел своих южных районов Израиль нанес новый авиаудар по городу Бейт-Хануна в секторе Газа. Погибло одиннадцать мирных жителей и три боевика движения ХАМАС...

Нобелевский лауреат Роберт Уэйс в интервью Би-би-си высказался о генетической неполноценности коренных африканцев. Обвинения в расизме Уэйс категорически отверг, заявив, что не испытывает предвзятости ни к одному из народов на земле. Между тем его слова вызвали осуждение со стороны общественных и правозащитных организаций. В связи с этим ученый в четверг был лишен звания почетного доктора Оксфордского университета.

Новые очаги эпидемии свиного гриппа в южных провинциях Китая. По приблизительным подсчетам, скончалось более трехсот человек. Потери экономики стран Восточно-Азиатского региона, по самым скромным оценкам, уже составляют сотни миллионов евро».

Мор. Язвы. Падающие самолеты. Торнадо. Мир лихорадит между хаосом и созиданием. Но он все равно тяжело колдыбает вперед, в неизвестное будущее. Вот только в чьих оно руках, это самое будущее?

Русоволосый атлет, на вид лет тридцати пяти, одетый в модный синий плащ, накинутый на стандартный офисный серый костюм, встряхнул головой, отгоняя грустные, философские, но совершенно посторонние мысли. Пригладил ладонью пшеничные усы. Вытащил ключ из замка зажигания. И кивнул невысокому, с раскосыми глазами, человеку:

– Он подъезжает. Мне пора.

– Удачи.

– Она женщина капризная. Но благоволит к умелым.

Выйдя из машины, атлет перешел небольшую пешеходную площадь с обелиском, который подпирала аллегорическая античная скульптурная группа. На фоне достопримечательности фотографировались вездесущие японские туристы. Место было не слишком оживленное, а вечерами вообще сонное и пустынное. Здесь ютились старинные двух-, трехэтажные белые домишки девятнадцатого века с ювелирными лавочками и магазинчиками сувениров, бьющий фонтан. В общем, тихая, надменная, дряхлая Европа.

– Купи. Хорошая! – закричал вслед атлету низкорослый, похожий на забавного зверька или мелкого беса негр, разложивший на земле брезент с китайской бижутерией, галстуками, туфлями. Это чернокожее дитя джунглей – незаконный мигрант. Живет в подвале или под забором. Но ему здесь лучше, чем дома. Там никому не нужны туфли и галстуки. И он сам никому не нужен...

– Как-нибудь в другой раз, – махнул рукой атлет и прошел в распахнутые стеклянные двери скромного четырехэтажного отеля «Моцарт», над вывеской которого выстроились в ряд три звезды. И двинул к лифту, продемонстрировав ключ от номера привратнику.

Негр-торговец проводил атлета равнодушным взглядом и стал высматривать другого потенциального покупателя. Место он выбрал далеко не лучшее, но другие пастбищные луга давно заполнены такими же, как он, и биться с ними за место под солнцем пока он был не готов.

Около отеля остановился черный, лоснящийся, как лакированный отдраенный башмак, и длинный, как такса, представительский «Lincoln Town Car». Водитель распахнул дверцу. На асфальт ступил негр – на несведущий взгляд внешне как две капли воды похожий на скучающего торговца, только немного старше. На нем было серое, в полоску, распахнутое пальто, открывавшее серебристый костюм и желтый галстук. На ногах – зеленые ботинки крокодиловой кожи, на носу черные очки – в общем, выглядел он как светофор, или, в лучшем случае,

рождественская елка, но хуже себя от этого не чувствовал. От него исходили волны осознания собственной значимости и откровенного самолюбования. Он чинно направился в сторону отеля «Моцарт». За ним следовали двое, при виде которых русский человек вспомнил бы старую блатную песню: «Жили-были два громилы». Первый – белый амбал, второй – чернокожий брат по разуму из разряда тропических горных горилл. Судя по виду и прикиду, они относились к сильно расплодившейся в последние годы по всему миру популяции телохранителей.

– Купи! Хорошая, дешевая, нужная! – с надеждой глядя на лощеного земляка, завопил зауценно на ломаном английском мелкий торговец.

Владелец лимузина резко остановился, снял очки, злобно уставился на своего менее удачливого по жизни собрата. И размеренно начал цедить на распространенном на юге Черного континента языке камахари:

– Я бы тебя повесил на лиане. Ты бы сучил ногами и хрипел, пока не умер. Ты позоришь наш народ, который борется за лучшее будущее! Прислужник белых недочеловеков!

После чего нагнулся. Взял галстук. Набросил на шею оторопевшего соплеменника и стянул.

Выпучивший глаза торговец и не думал сопротивляться.

– Вамба прав. Из вас, бессовестных выроdkов, нужно набивать чучела и выставять их напоказ! – Холеный негр отпустил галстук, смачно плюнул на выставленные товары и прошел в отель.

Торговец с рекордной скоростью свернул брезент с товаром и бегом устремился прочь. Его била нервная дрожь. Черная кожа посерела, что свидетельствовало о сильнейшем душевном волнении. В голове продолжали звенеть слова о Вамбе и чучелах. В способности президента набивать из своих подданных чучела он не сомневался. Поэтому год назад в трюме душевного судна вместе с десятком таких же бедолаг он выбрался из Республики Макао, готовый на все – воровать, ночевать в канавах, питаться объедками, но только не жить на родине. Как же он был счастлив, оставив родные края. И вот теперь эта встреча. Он узнал своего земляка. Это был Куам Чонгве – помощник Вамбы по прессе и телевидению, его еще называют Длинным языком правителя Макао. Неужели эта встреча неспроста? Может, это духи играют с несчастным беженцем? Тень могущественного властителя Макао и здесь готова была накрыть его, жалкого и несчастного?!

По щекам торговца, от быстрого бега рухнувшего на землю под мостом, катились слезы, но он и не думал их стирать...

Между тем лощенный негр, который действительно являлся помощником президента Республики Макао по пропаганде Куамом Чонгве, поднялся в лифте на третий этаж и остановился перед дверью в триста одиннадцатый номер. Настроение у него было приподнятое. Здесь его ждала встреча – не первая и не последняя, но неизменно приятная, ко взаимному удовольствию договаривающихся сторон.

Чонгве толкнул незапертую дверь. Зашел в просторный номер люкс и застыл на пороге. Аарон мамонтовой тушей возвышался на диване и тяжело, сипяще, дышал, держа в громадной широкой лапе запотевший стакан с газированной водой. Рядом с ним в кожаном кресле сидел уса́тый атлет с открытым лицом и светлыми лучистыми глазами, но это не делало его менее подозрительным.

– Это непорядок, – заволновался Чонгве. Двое телохранителей за спиной, конечно, придавали ему уверенности, но все равно ситуация совершенно не нравилась. Она не укладывалась ни в какие правила. – Аарон, ты должен был приехать один.

– Это мой новый компаньон, – с грустью произнес старый толстый еврей, совершенно лысый, зато с густой курчавой порослью, пробивавшейся из горбатого носа. – Я неизвестно сколько еще продержусь в этом деле. Недалек тот час, когда бизнес тебе придется вести с ним, – он указал пальцем в сторону широко улыбнувшегося атлета.

– Ты меня огорчаешь, Аарон.

– Я сам огорчен, – вздохнул еврей, сгорбившийся от нелегкой ноши, которую тянет через тысячелетия его древний народ. – Но так получается. Так получается!

Чонгве его тон сильно не понравился.

– Ты принес обещанное, Куам? – с грустью спросил Аарон.

– Принес. – Чонгве отбросил сомнения, присел на оставшееся свободным кресло, щелкнул замками «дипломата» и извлек на свет божий синий бархатный мешочек. Высыпал на низкий журнальный столик россыпь алмазов. Необработанные, они не производили такого же впечатления, как хорошо ограненные бриллианты. Но специалисту было достаточно взглянуть на них, чтобы понять – товар хорош.

Старый еврей вытащил специальную золотую лупу эксперта-гемолога, подрагивающими пальцами начал ощупывать алмазы, смотреть их в свете яркой лампы. Каждый камень взвешивался на точнейших электронных весах. Перед Аароном лежал ноутбук, в который он тут же забивал данные, что-то калькулировал и удовлетворенно покрывал. Этот привычный процесс успокоил негра.

Наконец, подбив итоговую сумму, Аарон выдал ее хозяину бриллиантов:

– Двести тридцать пять тысяч евро.

– Белые всегда грабили моих соплеменников, – сокрушенно произнес Чонгве.

– Я тоже отношусь к гонимому народу. Нас тоже всегда грабили, – закивал с готовностью Аарон, и выражение его лица стало совсем скорбным, а глаза приобрели взгляд голодного спаниеля, обделенного колбасой «собачья радость». – Но это лучшая цена за контрабандные алмазы на этой планете. Может быть, когда человек освоит межзвездные перелеты, вам в другой Солнечной системе дадут больше. Но не сейчас, Куам. Не сейчас.

– Мои деньги надеюсь получить раньше, чем человечество устремится к звездам, – прищурился Чонгве.

– Деньги уже есть. Здесь. Немедленно, – криво улыбнулся Аарон и кивнул своему компаньону.

Атлет с готовностью положил на стол до того мирно стоявший у столика кожаный «дипломат», открыл его и начал выкладывать оттуда пачки со стоевыми купюрами.

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... – считал он.

Когда их количество достигло заявленной суммы, он закрыл портфель, где еще оставалось достаточно наличности, а пачки двинул в сторону негра – так двигают выигранные фишки в казино.

– Комплект, – улыбнулся он. – Точно. Как в аптеке.

– Я с трудом оправдаю перелет, – недовольно произнес Чонгве, кладя руку на пачки денег. – Одно меня успокаивает, Аарон. Когда-нибудь мы объединимся с вашим народом и устроим белым Варфоломеевскую ночь.

– Когда-нибудь, когда-нибудь, – закивал представитель древнего народа. – Но не скоро. Не скоро.

– Я прилечу через пару месяцев. – Чонгве утрамбовал пачки евро в свой «дипломат» и поднялся с кресла. – Дела в моем многострадальном отечестве зовут.

– Отечество – это святое. Ради него приходится постоянно чем-то жертвовать, – с трудом поднимаясь, запыхтел еврей и пожал руку негру. Атлет тоже пожал черную руку. И Чонгве направился к выходу из номера, кивнув своим телохранителям – за мной. Собственноручно распахнул дверь. И, как кегля, влетел обратно.

– Федеральная таможенная полиция, – произнес возникший на пороге узкоглазый тип в длинной лайковой куртке. За ним маячил человек в полицейской форме. – Всем оставаться на местах!

Чонгве окаменел. Бледнолицый телохранитель, наученный горьким опытом, быстро поднял руки вверх, демонстрируя искреннее миролюбие своих намерений. Его же чернокожий напарник, не слишком хорошо ориентировавшийся в европейских реалиях, выпучив глаза, потянулся рукой под мышку. Усатый атлет, до того времени не проявлявший никакой активности, бросился вперед. Удар рукой был как бросок кобры – молниеносен и неразличим. Куда попало ребро его ладони – не различить, но огромный негр, в недавнем прошлом профессиональный боксер в тяжелом весе, завалился как слон, снеся журнальный столик. Очнувшись, он осознал, что глаза его смотрят в ковер, в кожу впился грубый ворс, а в запястья больно врезались браслеты наручников.

В наручники были закованы и белый телохранитель, и сам Чонгве, который очумело устался на Аарона.

– Я не виноват, – виновато развел руками еврей. – Меня заставили. Если бы вас, Куам, так заставляли, вы бы продали и Вамбу, и родную маму, и всех своих родственников оптом. И не взяли бы, что примечательно, за это ни гроша!

– Уведите, – с обезоруживающе обаятельной улыбкой кивнул атлет на пленных телохранителей и предателя Аарона. – А нас с вами, господин Чонгве, ждет задушевная беседа.

Вскоре атлет остался с негром наедине.

– У меня дипломатическая неприкосновенность. Вы не имеете права, – Чонгве попытался встать с кресла, куда его только что грубо усадили. – Только попробуйте дотронуться до меня грязными руками. И будете стоять, как обгадившаяся макака перед премьер-министром!

Продолжая обаятельно улыбаться, атлет кивнул:

– Ну если только так.

Чонгве поднялся, протягивая перед собой скованные браслетами руки – мол, снимай, полицейская морда, наручники... И тут же получил кулаком в бок. Били его как-то легко, небрежно. Но скрутило так, будто молнией долбануло. В глазах засияли те самые алмазы, которые он только что пытался продать.

Еще пара небрежных ударов – по спине и хребту.

И мир как-то резко сузился. В нем остались только проклятый атлет, сам Чонгве, скрючившийся на полу и пытающийся отползти и забиться хоть в какую-нибудь щель, его боль и страх.

Вскоре негр уперся в стену – дальше ползти было некуда. И никакой щели, куда можно забиться, став мышью или тараканом, не видно.

– Западное правосудие милостиво, – присел рядом с ним на колени атлет. – Тем более у вас дипломатическая неприкосновенность... А Вамба тоже гарантирует неприкосновенность?

Он ткнул в лицо Чонгве мешочек с алмазами.

– Это украдено у Вамбы.

Чонгве судорожно сглотнул. Теперь он с ясностью осознал свои безрадостные перспективы. С полицией еще можно решить вопросы. А что дальше?

– С вашей дипломатической неприкосновенностью вас выдворят на родину, – спокойным голосом – таким профессора читали Чонгве лекции в Кембридже, – излагал атлет. – Я прослежу, чтобы вы, господин Чонгве, не сумели перемахнуть в более гостеприимную страну под менее известной фамилией. В Даджапуту вас встретят у трапа. Разговор с Вамбой будет, думаю, долгим. И болезненным... Только не надо пафоса, с каким вы внушаете, что президент Макао – представитель новой африканской элиты, сильно озабоченный правами человека.

– Забирайте бриллианты, – прохрипел Чонгве.

– Вы надеетесь подкупить европейского полицейского? – удивился атлет.

– Поймите, я... Я не могу так... Вамба... Он...

– Прекрасно понимаю вас. Мне претит африканское безжалостное и без меры кровавое правосудие. И я искренне хотел бы помочь вам.

- Что я должен? – с тоской негр посмотрел на бриллианты. – Они ваши.
- Я не люблю камешки.
- Деньги?
- Тлен... Я предпочитаю информацию.
- Информация? Кому нужна информация о нашей стране? – почти искренне изумился Чонгве.

– Я тоже так думал. До недавнего времени...

Атлет помог подняться Чонгве, отряхнул его, поправил галстук и сказал:

– Меня всегда стесняли гостиничные стены. Проедемся в более уютное местечко.

Негр обреченно кивнул:

– Да, конечно. Я согласен. На все... Мы теперь партнеры, ведь правда?

– Правда. – Влад Абросимов, оперативный псевдоним Русич, похлопал своего черного «партнера» по спине.

Первый этап вербовки прошел в штатном режиме. Теперь осталось дело за малым – выдавить по крупницам всю информацию и надеяться, что она стоит вложенных средств.

Чонгве отвезли в пригородный дом, снятый специально для этой акции и располагавшийся в неожиданно безлюдном для перенаселенной Европы месте. Там в почти пустом подвале, заблаговременно освобожденном от мусора, Тунгус, прирожденный актер, до того времени успешно игравший роль сотрудника таможенной полиции, разложил свой богатый набор препаратов. При виде шприцов Чонгве просто обезумел, завопил, как резаный, задержался. По его подбородку потекли слюни. Но сделать ничего не смог. В вену ему впиалась игла.

Химический подавитель воли последнего поколения под условным названием «правдоискатель» подействовал через три минуты. И хлынула информация. Теперь говорить Чонгве хотелось обо всем, и специалист по психокодированию и развязыванию языков Тунгус умело направлял словесный поток в нужное русло. Благо это было нетрудно – до гипнотических блоков и закладок на самоуничтожение спецслужбы Республики Макао еще не дошли и вряд ли в обозримом историческом будущем дойдут. Хотя западные специалисты в области копания в мозгах и взяли кое-что из арсенала тех же африканских колдунов, но пошли по этой тропе гораздо дальше дикарей.

– Итак, на территории Республики Макао разрабатывают бактериологическое оружие, – кивал с пониманием Тунгус.

– Я мало знаю. Я рад бы знать больше и сказать вам все. Но я знаю мало. А мне так хотелось все рассказать, – булькал Чонгве с озабоченным выражением лица и мутным блуждающим взглядом после инъекции наркотика. – Но я знаю. Они уже выпустили пробный вирус. Сейчас заканчивают другой. Белые дьяволы не жалеют никого. И они выпустят новый вирус на свободу. «Желтый ифрит».

– Почему желтый? – спросил Тунгус.

– Юго-Восточная Азия. Он действует избирательно. На азиатов. Мне не жалко азиатов. Мне не жалко белых.

– А черных?

– Черных жалко. Не всех. Себя жалко. Вамбу не жалко...

– Расчетные жертвы?

– Миллионы. Но это неважно. Я не знаю, зачем им это надо. Но мне кажется, что дело в простой конкуренции. Белые правы – все держится на конкуренции. Желтый азиатский тигр набрал слишком большой вес. Тигры опасные существа. У Вамбы был тигр...

– Чем ты подтвердишь свои слова?

– Чонгве не дурак. Чонгве знал, что Вамба дурак. Вамба не вечен. Чонгве страховался.

Из дальнейшего словоизвержения можно было уловить, что Чонгве, прекрасно знающий, как непрочно положение лидеров африканских стран и как изменчива и жестока может быть судьба подручных такого президента, как Вамба Кагаме, позаботился о страховке. Вся информация, представлявшая хоть какую-то ценность и интерес, им фиксировалась в документах, компьютерных файлах и видеозаписях. И все это он периодически клал в банковскую ячейку в Европе. Слава богу, банк был в этом городе, в центре.

– Отдашь мне свои запасы завтра, – положив руку на плечо и пристально глядя в глаза пленника, произнес Тунгус.

Несколько минут понадобилось ему, чтобы гвоздями вдолбить в сознание негра гипнотическую установку – в одиннадцать утра Чонгве переступает порог отделения «Вест-банка», извлекает портфель с носителями информации и передает его человеку «Пирамиды».

Все. Теперь оставалось отпустить Чонгве. Лучше доставить его к месту проживания в отель «Рояль-палас»...

– Ну что, с почином, – удовлетворенно потер руки Тунгус, довольный своей работой.

– Подожди ты. Не сглазь, – отмахнулся Влад и невесело усмехнулся. – Ох, что-то мне подсказывает, что дорога будет длинная.

– Дорогой длинною, да ночью лунною, – пропел Тунгус. – Не беспокойся, командир. Какая бы дорожка ни была – вся наша.

Глава 6

Из песка торчали три головы, похожие на черные горелые головешки. Губы у доблестных бойцов Народной армии Верхней Джумбы потрескались. Языки прилипли к небу, но это уже не важно – все равно никакие мольбы не могли принести прощение.

Игорь Великанов кивнул тощему долговязому бойцу. Тот зачерпнул ведром из большой бочки у бетонной ограды войсковой части дождевую воду и полил троих бедолаг, у которых начинало мутиться сознание. Один из них застонал. Другой с трудом, едва слышно, прошептал под нос какое-то страшное проклятие. Третий только приоткрыл глаза.

Этот процесс назывался – воспитательная работа с новым пополнением десантных частей специального назначения Народной армии Верхней Джумбы.

Великанов занимался этим неблагоприятным делом уже не первый год. Обрабатывать этот человеческий материал было так же нелегко, как грушевое дерево. Но русскому ли офицеру-десантнику бояться трудностей? Ломал он это стадо, гнул через колено, гонял до сто седьмого пота. И хотя результату было еще далеко до его взыскательного вкуса, но все равно некое подобие спецподразделения ему удавалось создать.

– Еще раз повторяю, хотя мне это и надоело, – вещал он, прохаживаясь между торчащих из песка голов. – Приказ командира – закон для подчиненного. Командир всегда прав – это пункт первый. Пункт второй – если командир не прав, смотри пункт первый. Понятно?

На ответ он не рассчитывал. Для того, чтобы шевелить языком, нужны силы. А их у наказанных не было. Вдобавок их стриженные наголо черепушки облюбовали огромные жирные наглые мухи. Да еще мучил отвратный запах находящегося рядом отхожего места.

– Командиру не говорят: «Не хочу». Командиру не говорят: «Не буду». Командиру нельзя угрожать гневом своих диких сородичей. Командиру не говорят: «Мне духи предков запрещают». Командир для вас и дух предков, и дух большого баобаба. Потому что он безраздельно владеет вами и вашими жизнями. Это понятно?

Отмеривая шаги дальше, он нравоучительно продолжал бубнить:

– К вверенному вам трудовым народом оружию надо относиться бережно и с любовью. Не вырезать на прикладе тотемные знаки. Не колоть им орехи. Это понятно?

Прохаживаться и говорить он мог еще долго. Казалось, его совершенно не донимали ни жара, ни запахи отхожего места, ни мухи – это нарочитое отсутствие всего человеческого приводило подчиненных в священный ужас, хотя они понимали, что таким и должен быть дух войны Чупака, а что русский относится к ним – мало кто сомневался. Эх, кто бы знал, как тяжело было Великанову быть все время человеком из стали. Но у него не оставалось другого выхода.

Поучительная лекция о сути уставов и воинской службы была неожиданно прервана на самом интересном месте. Великанов увидел приближающуюся со стороны плаца массивную черную фигуру, похожую на вставшего на задние лапы гиппопотама. Она принадлежала полковнику Тхиоро Лванга, куратору от Генштаба бригады крылатой пехоты. Это был, пожалуй, единственный по-настоящему толковый офицер из всех, с кем пришлось Великанову сталкиваться на этой богом забытой земле.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Командование очень довольно последней акцией, – сказал полковник.

– А я – нет, – нахмурился Великанов. – Группа понесла большие потери.

– Ох, Игорь, не напрягай голову. В Африке слишком большая рождаемость. Можно не заботиться о такой мелочи, как боевые потери.

– Это были мои бойцы. Кстати, хорошо подготовленные бойцы.

– Все хорошо подготовленные бойцы вернулись. Погиб сброд. Балласт.

– В чем-то можно согласиться с тобой, – безрадостно кивнул Великанов, вспоминая, как бросились мародерствовать десантники и как были за это наказаны.

– Если загнуты трое недоносков, но появится на свет один воин – это уже хороший результат, – полковник кивнул на торчащие из песка головы. – Я за то, чтобы не жалеть дураков и бездельников. Свободной Джумбе нужны воины. За что ты их, кстати?

– Когда гнал пинками на марш-броске по пересеченной местности, один затеял дискуссию о том, что он не подписывался на такой дикий труд. Другой угрожал мне мстью духов предков. Третий пугал своей многочисленной родней, которая играет у вас главенствующую роль, – кивнул Великанов на крайнюю голову – того самого, который шептал проклятия.

– Этот? – Полковник Лванга нагнулся над бойцом. Присел рядом с ним на корточки. И ударил его по уху ладонью – как лошадь копытом врезала. – Семья Нашанди. Он врет. Его родственники – помесь шакала и носорога – упрямые и подлые. И они давно не играют у нас никакой роли. Если скажет еще так – можешь его убить на месте.

На черной головешке вспыхнули белые огоньки – это наказанный рядовой Абагра Нашанди открыл глаза. В них пылал первобытный ужас.

– Нужно поговорить. – Лванга распрямился, стряхнул невидимую пылинку с рукава форменной рубашки песочного цвета и поправил широкий ремень с кобурой, в которой приютился огромный «кольт». – Отойдем в сторонку?

– Непременно.

Великанов приказал взирающему на экзекуцию сержанту Уэбо, чтобы наказанных откопали, отпоили, облили водой и показали доктору – ведь если разговор с полковником затянется, доблестные бойцы Народной армии Верхней Джумбы запросто могут отдать богу душу.

Они неторопливо побрели мимо плаца и казарм в сторону автопарка. Попадавшиеся навстречу солдаты резко отдавали честь. Великанов козырял в ответ. Полковник не обращал на окружающих никакого внимания. Он излагал сложившуюся ситуацию.

– Президент и министр обороны в восторге от вашей вылазки. Победа хоть и небольшая, но редкая. Нанесен существенный урон противнику. Притом на его территории. Наш Генштаб воспрял духом.

– И хотят продолжения.

– Да. После Шир-Абаз оно нам нужно.

Ох, этот Шир-Абаз. Да, есть что вспомнить. Как только Великанов прибыл в эту страну и приступил к обязанностям военного советника, грянули события в провинции Шир-Абаз. Там как раз находились спорные территории, которые уже двадцать лет переходили от Верхней Джумбы к Республике Макао и обратно. Этот камень преткновения – район, богатый алмазами. Большинство конфликтов в Африке имеют одну цель – присвоить какие-то полезные ископаемые или ресурсы, которые можно задешево продать, а на вырученные деньги закупить золотые унитазы в президентский дворец и побольше противопехотных мин и пушек для борьбы с соседями и собственным населением. Борьба за обладание спорными районами была достаточно многогранна – пограничные конфликты, поддержка сепаратистов, вечная обоюдная дипломатическая ругань и жалостливые призывы к мировому сообществу, а в последние годы – настоящая, без дураков, хоть и вялотекущая, война.

Великанов попал под Шир-Абаз советником командира пехотной дивизии как раз за неделю до того, как президент Макао, где-то заполучив приличную партию китайского оружия, боеприпасов и бронетехники, двинул свои орды в наступление. Обороняющейся группировкой командовал Хачибхети Томбе, по основному роду своей деятельности брат президента, а по совместительству министр обороны Верхней Джумбы. Благодаря его бездарным действиям части Народной армии были выбиты со своих позиций, начали беспорядочное отступление, угодили в огненный котел, потеряли два вертолета, пятнадцать единиц бронетехники, несколько тысяч бойцов, и им грозило быть уничтоженными в полном составе. Насмотр-

ревшись на великолепные образчики тактики и стратегии своих работодателей, направленные на одно – угробить свои, в принципе еще боеспособные части, Великанову пришлось ставить процесс под свой контроль. Он без труда просчитал незамысловатые планы противника, буквально вырвал у обезумевшего от паники командира дивизии рычаги боевого управления, организовал остатки мечущихся в ужасе и бессистемно палящих во все стороны подразделений и устроил прорыв. Спас несколько тысяч человек с боевой техникой, обреченных на полное уничтожение, за что впоследствии был пожалован какой-то алюминиевой, с эмалью, бляхой, которая считается боевым орденом Верхней Джумбы.

Но это было только начало. Врагу удалось вторгнуться на десятки километров в глубь территории Верхней Джумбы, захватить несколько городов и дойти едва ли не до пригородов Шир-Абаза. Правда, потом, вместо того, чтобы закрепиться на позициях и создать плацдарм для развития успеха, подразделения армии Макао, славившиеся исключительной даже для Африки безбашенностью, алчностью и неуправляемостью, с азартом погрязли в мародерстве, насилии и грабежах. Да еще наткнулись на склад с огромными запасами марихуаны и опия (в Африке наркоторговля не считается зазорной) – и вот тогда началось светопреставление. Когда Народная армия Верхней Джумбы подтянула технику и артиллерию, большая часть воинов Макао витала в астрале, скача по клубам дыма марихуаны, как ангелы небесные прыгают по облакам.

Вооруженные силы Республики Макао неорганизованно отступили, понеся значительные потери и угробив большую часть бронетехники, так что Народной армии удалось вернуть контроль над провинцией. Государственные границы были восстановлены. И Великанов вспомнил поговорку незабвенного полковника Зуба: «Кто к нам с мечом придет, тот по оралу и получит»... Но с той поры президент Верхней Джумбы Латур Томбе, считавший, что «по оралу» враги получили недостаточно, жаждал реванша, чтобы ему заплатили за обиды полновесной монетой. Теперь в его голове снова начинали роиться наполеоновские планы.

– Надеюсь, нас ждет не полномасштабное наступление, – сказал Великанов, отдав честь очередному испуганно перешедшему на строевой шаг молодому бойцу.

– Всего лишь новая спецоперация, – сказал полковник Лванга.

– Цель?

– Лагерь под Лагуной.

– Твоя идея?

– Моя. Министр предлагал напасть на базу в Гатте.

– Чистое самоубийство!

– Он часто не совсем отдает отчет в своих словах и планах.

– Лагуна... В принципе, приемлемо.

Не так давно Великанов был в разведпоиске. Натаскивал группу, заодно присмотрел подходы к вражеской военной базе недалеко от города Лагуна. За это время там вряд ли что изменилось. Охраняется объект ни шатко ни валко, личный состав не слишком многочисленный. Греет душу, что там не джунгли, а саванна – идти гораздо легче. Да и расстояние позволяет подобраться к цели, отработать по ней и вернуться к точке эвакуации. Дальше все зависит от выучки и везения.

– Силы, средства? – спросил русский десантник.

– Вооружение и оснащение стандартное. Детали с тобой продумаем. Нет смысла отходить от проверенного в деле. Там речные протоки, лабиринт целый. На лодках. Дальше пешком. Только... Командовать операцией на этот раз будет представитель Генштаба.

Великанов скривился. Это обстоятельство сильно снижало шансы на успех.

– И кого выбрали командиром? Алхери?

Капитан спецназа Алхери Чуа – неплохой командир, способный мыслить не шаблонно. Ценное качество, особенно если учесть, что как таковой процесс военного мышления боль-

шинству личного состава был вообще недоступен. Основная часть черных бойцов живет импульсивными устремлениями и сиюминутными желаниями, а не планами и прогнозами.

– Если бы, – вздохнул полковник. – Майор Чилумба.

– Кто?! – самообладание на миг покинуло Великанова. – Министр обороны решил нас погубить?

– Шинамано Чилумба двоюродный племянник министра сельского хозяйства Бозара Чилумбы. Ему пророчат большую военную карьеру. Но у него нет опыта боевых действий. А президент любит тех, кто понюхал пороха и на деле показал командные навыки.

– У Шинамано нет и не может быть никаких командных навыков!

– Я его знаю не хуже тебя... Но кандидатура утверждена.

– Он амбициозен, туп и упрям. Он идиот.

– Решение принято. Ты идешь советником.

– И что ты предлагаешь? Глядеть, как этот непроходимый болван будет гробить моих людей?

– Игорь, ты выкрутишься. Ты все сделаешь.

– Я сделаю. Я все сделаю... Чего бы это ни стоило.

Полковник скривился:

– Осторожнее, Игорь. Не суй голову крокодилу в пасть. У Шинамано слишком влиятельные покровители.

– Постараюсь.

На планирование и подготовку операции было отведено три дня. Больше всего Великанов боялся утечки информации. Предателей в Верхней Джумбе карали нещадно, порой вместе с семьями. Агентов Республики Макао, притом не выдуманных, а настоящих, полиция и военная контрразведка выуживали и давили, как блох, притом с завидной периодичностью. Но меньше их не становилось.

Местных вояк все-таки чему-то жизнь учила, поэтому о цели операции знало от силы шесть-семь человек. Это давало некоторую гарантию секретности, хотя и далеко не стопроцентную. Негры страшно говорливы, могут невзначай и без злого умысла выдать военную тайну в постели любовницы, в магазине или у парикмахера. Дети природы...

План операции обсуждали в огромном, как бальный зал, кабинете начальника Генерального штаба. Из глубины развешанных на стенах живописных полотен взирали де Голль, Наполеон Бонапарт, грозные военачальники Верхней Джумбы, а за спиной владельца кабинета висел портрет нынешнего президента в полный рост. Также на стенах висели многочисленные карты Южной и Центральной Африки, Верхней Джумбы и окрестностей.

На совещании присутствовали сухощавый, в ладно сидящей, тщательно выглаженной генеральской форме, с умными, насмешливыми глазами седовласый начальник Генштаба. По его правую руку за просторным широким столом, специально приспособленным для раскладывания тактических карт, сидели полковник Лванга и Великанов. По левую – начальник разведки Генштаба, а также майор Шинамано Чилумба – невысокий, страшно широкоплечий, массивный, похожий на отъевшегося кабана, с мускулистой шеей и пудовыми кулаками. Когда ему дали слово, он напыщенно и важно выдал целый список безумных идей, типа прихватить с собой пару БТРов или высадиться в центре лагеря десантом с двух вертолетов, поливая врага ураганным огнем. Великанову становилось жутковато, когда он представлял, куда может завести группу такой вот отец-командир.

Потом выступил Великанов. Он спокойно и доходчиво доложил свои выкладки и расчеты. Его речь сопровождалась саркастическими смешками Чилумбы. Под конец русский десантник с вежливой улыбкой произнес:

– Уважаемый майор Чилумба – перспективный молодой специалист. После пары десятков таких вылазок он освоит искусство диверсии. Я этому буду только рад. Но сейчас действуем по моему плану... Или работайте без меня.

И заработал испепеляющий взгляд майора.

Начальник Генштаба кивнул:

– Хорошо. Ваш план принимается, господин Великанов...

Как назло, перед выходом двое бойцов из группы Великанова попали в лазарет с какой-то заразой. Какой – одному черту известно, поскольку в Африке большинство вирусных заболеваний наукой не описаны. Можно было бы списать все на симуляцию и нежелание воевать, но к этим людям подобные претензии не подходили. Они любили вылазки, охоту. Да и температура сорок, рвота и желто-зеленый оттенок на черных лицах свидетельствовали о том, что имело место реальное заболевание.

По требованию Чилумбы почти треть личного состава диверсионного отряда составили бойцы из подразделения его родной первой роты президентского пехотного батальона – они были, по большому счету, балластом. В связи с этим шансы на успешное завершение вылазки резко катились вниз. Но ни Великанов, ни все понимающий полковник Лванга ничего поделать не могли.

В день начала операции, когда отряд из сорока человек выстроился на плацу части, полковник Лванга отозвал в сторону своего русского друга и, напряженно оглядываясь, будто ожидая, что их подслушивают, негромко произнес:

– Постарайся, чтобы Шинамано остался в живых.

– Он тебе так дорог? – хмыкнул Великанов.

– Сложно все. Его труп не нужен ни нам, ни тебе.

– На войне всяко бывает...

– И все же... Я тебя прошу...

– Постараюсь. А там как получится.

Полковник Лванга кивнул. И похлопал русского по плечу – но как-то неуверенно. Будто хотел что-то еще сказать, но не мог этого сделать. Черт их подери, эти дворцовые тайны!

Глава 7

– Действуем тремя группами. Используя на редкость удачный рельеф местности и многочисленные естественные укрытия, можно незаметно подойти на расстояние эффективного огня стрелкового оружия и гранатометов. И устроить местным воякам пляски на углях, – говорил Игорь Великанов.

Он только что вернулся с рекогносцировки, и в его голове сложился ясный и эффективный план действий.

– Ну что, определим порядок развертывания, расстановку личного состава и сигналы оповещения?

Отряд рассредоточился в овраге, заваленном валунами, заросшем высоким жестким кустарником и желтой травой. Русский десантник, участвовавший в диверсионной операции в непривычном для себя неопределенном статусе то ли консультанта, то ли заместителя командира, излагал ситуацию рассевшимся на каменистой земле вокруг него насупившемуся Шинамано Чилумбе и командирам групп.

До цели было недалеко. Вокруг вспучивались холмы, причудливые скалы и простирались заброшенные сельскохозяйственные поля. Журчала мелкая речушка, заросшая камышом. К лагерю тянулись две дороги. Местами земля была будто иссечена плетью, высекавшей овраги, впадины, разломы.

До сего момента операция проходила на редкость гладко. Маршрут и график движения удалось выдержать четко, минута в минуту. Диверсионная группа без особого труда продвинулась по заросшей высокой травой, низкорослыми деревьями и кустарником засушливой саванне. То тут, то там мелькали животные, идущие на водопой, стада буйволов, антилоп и даже львы. Десантники держались молодцом. И пехотинцы, на удивление, двигались более-менее сносно.

Великанов без особых проблем провел рекогносцировку. Как говаривал незабвенный кладезь армейского фольклора полковник Зуб: «Оборона должна быть непрерывной, гибкой и скрытной, то есть похожей на зарытый в землю шланг». Негры, на свою беду, эту мудрое изречение не слышали.

Вражеский лагерь представлял собой бывшую зерновую ферму, переоборудованную для нужд армии Макао. Свиноарник и сараи использовались как казармы для рядового состава. Офицеры проживали в жилом доме, некогда, скорее всего, принадлежавшем зажиточному белому фермеру, которого антиколониальные ветры перемен ураганом выдули отсюда. Рядом был обширный загон с множеством коз и прочих домашних животных. Там же бродили трое изможденных негров, очень смахивающих на рабов.

На территории лагеря виднелись несколько военных автомашин и пара древних бронетранспортеров – неизвестно как оказавшихся здесь стареньких чилийских восьмиколесных «Пираний» с крупнокалиберными пулеметами, по виду напоминающими наши БТР-60, с такими же покатыми, утюгом, мордами, но без вращающихся башенок. Три пулеметные точки, по идее, должны были перекрыть все подходы к обороняемой территории, но около двух из них не наблюдалось боевых расчетов, только торчали стволы. Вояки не удосужились даже оградить территорию столбами с колючей проволокой. Привычная халатность и полное пренебрежение порядком. На самой вершине холма рядом с лагерем еще одна точка – бетонные кубики, мешки с песком и крупнокалиберный пулемет. Эдакий маленький блокпост. На нем Великанов разглядел расчет из трех человек. Это цель номер один – господствующая высота.

По развединформации и прикидкам на глазок, здесь собралось человек триста, а то и больше. Пехотная часть, а также приготовленные к заброске на территорию Верхней Джумбы партизанские группы, состоящие из ярых сепаратистов и бандитов всех мастей. Уничтожение

их даст некоторую передышку жителям приграничных районов, уставших от постоянных грабежей и насилия со стороны «народных» партизан.

Было два варианта – работать под покровом темноты или внаглую, средь бела дня. С одной стороны, ночь – подруга диверсанта. Но народу в лагере многовато, всех не перережешь десантными ножами и из бесшумного оружия не уложишь. А при ночной перестрелке диверсанты могут перестрелять и друг друга – отряд большой, в значительной части к ведению ночных действий не обученный, приборов ночного видения маловато. Другой вариант – используя складки местности и рельеф, можно без проблем подобраться к объекту, занять высоты, организовать систему огня. И накрыть лагерь с дистанции, избегая прямого столкновения. Нанеся максимальный урон противнику, двинуть обратно. Еще в Катанге склонялись к последнему варианту. И на местности Великанов понял, что он единственно верный.

Закончив рисовать на планшете схемы, русский десантник испытующе посмотрел на Чилумбу.

– Что ты хочешь? Как гиены, прятаться и хватать падаль? Я Шинамано Чилумба! Мне это противно!

– Простите, майор? – Великанов ожидал всякого, но эта тирада выходила за все рамки.

– Ты со своими червяками можешь зарываться в землю! А я пойду в атаку во главе с моими верными солдатами. Мы нападём и ударим их в лоб. А не будем ползти ящерицами, – зоологические сравнения так и сыпались из Шинамано, он приложился к почти литровой фляжке, которую таскал на поясе рядом с кобурой. – Наш очистительный огонь сметет эту гниль, смоем ее в волны реки, которые окрасятся кровью!

Его выпученные глаза были совершенно ненормальными. Он сейчас готов был поднять бойцов и идти в открытую атаку на превосходящего по численности противника, на пулеметы и бронемашину. От него несло дешевым коньяком – отведал огненной воды от души, пока русский десантник мерил пузом окрестности лагеря.

– Диагноз ясен, – кивнул Великанов.

Потянувшись за своим верным «АК-150», он склонился. И, молниеносно разогнувшись, сокрушительным, со всей дури, ударом ладони по затылку отключил Чилумбу. И перевел с облегчением дух – такого быка даже ему завалить нелегко.

Командиры двух пехотных взводов, лично преданные поверженному майору, узрев содеянное с ним, возмущенно загалдели и потянулись за своим оружием. Но тут же попали на мушкетерские выстрелы.

– Командира укачало от долгой дороги! – рявкнул Великанов, связывая руки Чилумбы веревкой, которую постоянно таскал с собой для подобных целей. – Действуем по плану...

– Это мятеж! – крикнул командир пехотного взвода, по-петушиному выпячивая грудь колесом.

В ответ русский десантник стремительно выдернул из кобуры пистолет для бесшумной стрельбы и выстрелил в крикуна. Но так, что пуля лишь слегка процарапала плечо.

– Еще слово... Убью. Труп гиенам скормлю! – прорычал он тоном, отшибающим всякое стремление к дискуссиям...

Самую тяжелую работу Великанов взвалил на себя и верного сержанта Уэбо. Им предстояло снять огневую точку на высоте. Они отбросили все, стесняющее движения, оставшись в камуфляже, прихватив с собой автоматы, по паре гранат и десантные ножи.

К подножию уродливого, заросшего кустарником и засыпанного валунами холма где перебежками, а где ползком они добрались без проблем. Осторожно двинули вверх, скрываясь за растительностью. Как всегда, им на руку была патологическая негритянская лень. Местным воинам влом было очистить округу от кустов и деревьев, чтобы помешать незаметно подобраться к огневой точке. И теперь диверсанты двигались к цели без особых проблем.

Чем ближе, тем нужно было быть осторожнее. Метр ползешь, минуту выжидаешь – не потревожил ли чуткий слух вражеского солдата.

Трава жесткая. Камни горячие. Солнце жарит. Глаза ест пот. А дышать надо через раз. Шумный диверсант – мертвый диверсант.

Пока русский десантник карабкался на высоту, диверсионный отряд занимал огневые позиции.

Великанов изрезал руку об острую траву, расцарапал щеку об острый камень. Но преодолел ползком большую часть холма. Тут он увидел из-за зарослей здоровенный валун на склоне, на котором, смотря куда-то в небеса, сидел, болтая ногами, чернокожий вояка. Он напевал ритмичную песню, подхихикивал и курил. Второго бойца было не видно, зато хорошо слышно. Судя по характерным звукам, он где-то неподалеку развлекался, барабанил ладонями по ящику с патронами.

Даже до диверсантов дотягивался запах куримой ими марихуаны. Одно время эта травка входила в паек армии Республики Макао. И сейчас большинство солдат любили побаловаться ею – кто на досуге, а кто на боевом посту. Так проще преодолевать тяготы и лишения воинской службы.

Великанов пальцем указал на любующегося небом солдатику. Уэбо кивнул – он знал, что теперь этот объект за ним. И при отмашке сержант порвет его на части – быстро и бесшумно.

Наверху у пулемета должны быть еще минимум двое. Тот самый «барабанщик» и его приятель, пока не подававший никаких звуков.

Уэбо остался на месте, а Великанов ящерицей пополз дальше. И вскоре вплотную подобрался к единственной здесь тропинке. Теперь метров пятнадцать отделяло его от огневой точки. Она представляла собой утоптанную площадку метров десяти в диаметре, ее окаймляла импровизированная неровная ограда из валунов, земли и мешков с песком, высотой где-то от семидесяти сантиметров до метра. Там же был матерчатый навес и какое-то подобие будки. Бетонные кубики служили опорой для станка с крупнокалиберным пулеметом «Браунинг».

С новой позиции Великанов рассмотрел курчавую голову «барабанщика», сидевшего за оградой на корточках. В зубах его тоже был косячок.

Слева послышался шорох. Из кустов на тропинку с треском, как медведь, вывалился еще один боец с сержантскими лычками, подтягивающий штаны и шмыгающий носом. Пошатываясь, он направился к своим товарищам, пройдя в каком-то метре от Игоря. И плюхнулся на землю, свернувшись около мешка с песком.

Минут пять Великанов пролежал без движения, улавливая все звуки и шорохи, пытаясь наверняка оценить количество бойцов противника. Похоже, их там действительно трое. И все в сборе. Осталось дело за малым – передушить их!

Великанов пополз вперед – осторожно, сантиметр за сантиметром, метр за метром. Нужно не только остаться незамеченным, но и не наткнуться на растяжку или противопехотную мину... Обошлось. Местные вояки не заморачивались такой ерундой, как обеспечение своей безопасности.

Русский десантник коснулся ладонью ограды блокпоста. В этом месте она была выше, да еще скрыта высокой травой и кустами. Теперь он мог просто встать и перепрыгнуть через нее. А дальше – дело техники. За ним – двое. Третьего снимет сержант Уэбо.

Игорь уже изготовился для броска. И тут...

Первым вскочил, как подброшенный, «барабанщик». Он схватил лежащий рядом с ним, заблаговременно стоявший на боевом взводе и снятый с предохранителя автомат Калашникова. Вспрыгнул на ограду где-то в трех метрах от Великанова. И нажал на спусковой крючок.

Грохот выстрелов. Длинная очередь. На землю полетели гильзы. Пули прошли воздух. И ушли в небеса!

– Вот так, крокодилов помет вам всем в рыло!.. И вам всем так и так! – заорал «барабанщик». – Тараканы сраные!

Его товарищи подскочили к нему, попытались отнять автомат. Одного он отпихнул локтем. Другого укусил. Но вскоре был повержен и награжден пинками.

Великанов взмок от холодного пота. Он чуть не срезал обкурившегося идиота. Что же теперь? Выстрелы должны были переполошить лагерь противника. А диверсионный отряд уже впритык подходит к определенным ему позициям.

Прошло несколько секунд под аккомпанемент площадной брани на смеси нескольких языков. Ругался поверженный. Ругался сержант. Ругался третий боец. Их прервал длинный зуммер полевого телефона. Сержант схватил трубку и доложил:

– Случайно... Наматхи стреляя!.. Есть! Понял!.. Никогда!.. Я его убью!

Сержант закончил разговор, кинул трубку подчиненному, который поймал ее на лету и водрузил на телефон. И опять выругался – на этот раз длинно и затейливо. А потом послышались удары башмаков о тело – это ребра возмутителя спокойствия слегка выправляли.

Великанов, воспользовавшись моментом, перемахнул рывком через мешки, автоматом ударил по черепу сержанта, увлеченного физическим воспитанием подчиненного. Хоть приклад и складной, легкий, но от этого жертве не намного легче. Еще один рывок – и приклад вминает лицо оторопевшего солдата. Лежащего на земле хулигана Игорь отключил страшным ударом ноги в голову.

Все! Чисто! Красиво. Экономично! С чудовищной эффективностью! Огневая точка занята! И в лагере ничего не заметили. Оттуда место побоища не обзревается – проверено.

Сержант Уэбо, который не смог из соображений маскировки удержаться за предназначенной ему жертвой, подоспел уже к шапочному разбору. Он был раздосадован, что ему не довелось поучаствовать в уничтожении противника.

Великанов взял рацию. Выяснил, что отряд уже на позициях. Время истекает.

– Ну-ка, перетащим пулемет, – кивнул Великанов сержанту Уэбо.

Пулемет со станком весил пятьдесят восемь килограмм и был страшно неудобен для переноски. Но все равно много времени не понадобилось, чтобы водрузить его на противоположную сторону «форта». И теперь ствол глядел на лагерь, который был виден отсюда как на ладони. До него было около полукилометра.

Ну что. Пулемет есть. Ящиков с патронами завались. Пришел час потехи – как кричал злобный герой одного мультфильма.

Великанов проверил прицел. И выдал длинную очередь по скоплению солдат, давая отмашку на огневое поражение.

Грохнули выстрелы «РПГ». Застрекотали очереди. Началось!

По территории лагеря заметались люди. Чернокожий офицер гигантского роста попытался добраться до БТРа и попотчевать нападавших из крупнокалиберного пулемета, но был снят снайпером.

Люди Великанова действовали четко, по тщательно разработанному плану. Все разыгрывалось как по нотам. Даже лучше, чем было задумано. По лагерю били с нескольких точек. Помогал и Великанов пулеметом, пули которого калибром 12,7 миллиметра дырявили легкую броню, делали пробоины в бетоне и разносили на осколки кирпичи. Враг был в панике. Несмотря на подавляющее численное превосходство, это сейчас были не солдаты, а испуганный сброд. Они не могли понять, откуда по ним долбят, не могли организовать огневой отпор.

Игорь уже поработал по лагерю от души, когда в воздухе вокруг него запели первые пули. Пока еще не слишком прицельные. Нельзя дать противнику собраться. Конец близок – он означал полный разгром врага. Душа у Великанова пела.

Все шло отлично... Но тут пехотинцы первой роты под командованием того идиота-петушка, недавно разорвавшегося про мятеж, почуяв кровь, вылетели из укрытий и поперли

на врагов, радостно и беззаботно постреливая. И наткнулись на все же организованный впопыхах огневой заслон. По атакующим заработала ожившая пулеметная точка. И пехотинцы начали валиться, как снопы, под порывами свинцового ветра.

Эта идиотская вылазка, в результате которой было провалено огневое поражение с юга, привела к тому, что оборонявшиеся организовали сопротивление и даже сумели завести БТР, который был тут же вычеркнут из боя выстрелом из «РПГ». После следующего выстрела из гранатомета рванул склад с боеприпасами, разметав фигурки людей. Загорелись бочки с горючим. В общем, салют в честь прибытия диверсионного отряда удался...

Диверсанты максимально отработали по базе, нанеся серьезный ущерб, уничтожив, по самым скромным подсчетам, больше половины личного состава противника, грузовики и бронетехнику. Все, пора и честь знать. Начинать позиционную войну, уступая в численности и вооружении, – это маразм. Диверсант всегда должен чувствовать момент, когда настает пора смываться.

– Отутюжили негодяев, – кивнул Великанов. И дал приказ на отход.

Уходили диверсанты спокойно и чинно. Преследовать их никто даже не пытался.

В пункте сбора Великанов увидел, что безвозвратные потери отряда составляют около трети от общей численности. Притом из людей Игоря не пострадал никто!

Великанов приказал возвращаться, выделив группы прикрытия и дозоры. А потом передал командование Шинамано Чилумбе, которому не удалось поучаствовать в битве.

– Завалю как носорога, только дай повод, – шепнул русский, когда Шинамано, яростно упершись бычьим взором в своего соперника, потянулся к возвращенной ему кобуре.

Всю обратную дорогу Великанов испытывал страстное желание вогнать в мускулистый загривок Шинамано десантный нож. Но сдерживали слова полковника Лванга: проклятого майора не трогать. Нельзя так нельзя. Хотя и опасно оставлять в живых злопамятную скотину, обладавшую, благодаря родоплеменным связям, значительным влиянием и способную на все.

Великанову не впервой было заводить здесь врагов. В общем-то, плодил он их легко, особо не переживая, если дело того требовало. Пока что ему удавалось оставаться в живых, несмотря на длинную очередь недоброжелателей, мечтающих выпустить ему кишки. И вот еще этот самый чертов Чилумба с его родным дядей министром. А, плевать! Десант прорвется.

К зоне эвакуации отряд вышел вовремя. Игорь по рации соединился с командованием. И был огорошен пробившейся сквозь жуткий треск эфира новостью.

– Геликоптеров не будет, – объявил офицер Генштаба, отвечавший за руководство операцией.

– Что?! Вы одурели там?! Что случилось?!

– Следуйте на нашу территорию в квадрат 14\86. В контакт с населением не вступать ни при каких обстоятельствах. Северное шоссе на порт Сью-Алигери, сто одиннадцатый километр – там погружаетесь в ожидающий вас автотранспорт. И следуете к месту назначения согласно приказу командира эвакуационной команды.

– Принято.

– Конец связи...

Квадрат 14\86 – легко сказать. Это достаточно далеко. Надо переться через саванну и леса, форсируя реки, распугивая многочисленных африканских животных, расплодившихся в последние годы в невероятных количествах.

Великанов готов был порвать, как тузик грелку, того, кто придумал этот маршрут. И главное – он не понимал, зачем их гнать через малонаселенные места...

Через одиннадцать часов измотанный отряд вышел к заданной точке, о чем был уведомлен штаб. Вот он, этот треклятый сто одиннадцатый километр шоссе на порт Сью-Алигери. Одно название – шоссе. Раздолбанная дорога с проросшей через асфальт травой. Ни одной

машины. Никаких признаков людей. Никакого намека на комитет по встрече героев с оркестром и цветами.

– Ждем здесь! – приказал Шинамано Чилумба и грозно добавил: – И чтоб тут мне порядок был!

Где-то через час послышался отдаленный гул. И из-за леса по шоссе тяжело, в клубах пыли, выплыла, как мираж, железная колонна. При ее приближении стали различимы три тяжелых армейских грузовика «Вольво». За ними ползли два русских бронетранспортера БТР-60ПБ. А в середине колонны двигался джип «Лендровер». В их продвижении было что-то грозное, жутковатое. Великанову стало не по себе. Творилось непонятное. А там, где неизвестность – там жди выстрела в спину или нож под ребро.

– Стройся! – грозно скомандовал майор Чилумба, ощутивший себя, наконец, полноправным командиром.

Автоколонна устало, с натужным шипением тормозов и гидравлики застыла. Из джипа упруго, как игрушка на пружинах, выскочил молодежавый бригадный генерал Магри – заместитель министра обороны. За ним семенили офицеры рангом поменьше, из его «шестерок», готовых целовать ему ботинки. В кузове одного грузовика были вооруженные солдаты. Они стали выпрыгивать из кузова и выстраиваться в цепочку.

Великанова еще больше насторожило, что встречающие смотрели на них как-то странно – выжидающе и с опаской. Крепло ощущение, что готовится капитальная пакость. И, самое худшее, русский десантник не мог понять, чего ему ждать, а значит, не мог решить, что делать. Ощущение этой беспомощности и нерешительности было отвратительным.

Заместитель министра обороны, прокашлявшись, произнес:

– Приказываю всем сдать оружие и снаряжение. Сложить в первый грузовик, – он указал на машину.

Диверсанты зароптали. Им не нравилось многое. Зачем эти встречающие солдаты и бронетехника? При желании такими силами можно раскромсать усталый, пришедший с глубокой заброски отряд за считанные секунды.

И еще – от диверсантов вновь прибывшие старались держаться на расстоянии. Даже когда Шинамано Чилумба попытался приблизиться к генералу, чтобы пошептаться накоротке, тот резким жестом остановил его:

– Стоять на месте!

На несколько секунд повисла тишина. Потом Шинамано отдал резкий приказ:

– Сдать оружие. Строиться перед машинами!

Вскоре первый грузовик потяжелел от груды автоматов, неизрасходованных гранатометных снарядов и рюкзаков с растратченным боезапасом.

– По машинам! – крикнул генерал.

И бойцы стали залезать в тентованные грузовики. Естественно, толпа, шум, неразбериха. Один из диверсантов увидел в цепочке оцепления дальнего родственника и с радостью кинулся к нему.

И тут хлестнул выстрел.

Он оказался предупредительным. Одна из «шестерок» генерала завопила:

– По машинам! По отбившимся от группы и беглецам открываем огонь!

Великанов прикинул, что можно сейчас рвануть в канаву, потом в лесополосу – она рядом, вполне возможно добежать до нее, а там – поминай как звали! И что потом? Тащиться через всю Африку? Через болота и саванны? Рискую попасть в руки далеко не дружелюбных дикарей и еще менее дружелюбных властей? Даже если это и удастся – что дальше? Нет, этот вариант на самый крайний случай. Уйти Великанов всегда успеет, громко хлопнув дверью. Вроде немедленно его убивать никто не собирается. А дальше – посмотрим. Будет день, и будет пицца!

Когда русский запрыгивал в кузов, ему бросилось в глаза, что водитель их грузовика в белой маске – такие таскают против гриппа. Эх ты, жизнь-копейка, судьба-злодейка! Это же микробиологическая угроза! И впереди наверняка карантин!..

Так и оказалось. Отряд доставили в расположение родной отдельной бригады крылатой пехоты, ставшее чумной зоной. Со зловещим лязгом захлопнулись тяжелые металлические ворота – «оставь надежду всяк сюда входящий».

По внешнему периметру войсковой части был выставлен вооруженный заслон из автоматчиков. Лица их прикрывали все те же маски. Прямо голливудский фильм-катастрофа!

– Что тут случилось, пока нас не было? – спросил Великанов начальника штаба бригады, с которым он столкнулся нос в нос, как только выпрыгнул из кузова.

– Карантин, – с чувством глубочайшего омерзения произнес начштаба.

– С чего это?

– У нас эпидемия.

– Какая, к черту, эпидемия?!

– Первыми заболели Ассай и Салиу.

У Великанова мороз пополз по коже. Это были те самые двое бойцов из его группы, которые заболели перед самым заданием. И с которыми он брал ту самую чертову лабораторию. В памяти всплыла жуткая картина, которую он пытался забыть навсегда, – стеклянный бокс и две иссушенные мумии, в которых чудом теплилась жизнь. Что же получается? Там действительно разрабатывались новые виды бактериологического оружия? Тогда мельчайшие частички, посланцы смерти, диверсанты привнесли сюда, на базу в окрестностях столицы Верхней Джумбы, миллионного города, славящегося своей антисанитарией. Конец света!

– Как мои люди? – спросил Великанов.

– Салиу мертв, – сокрушенно произнес начштаба, которому боец приходился дальним родственником.

– Ассай?

– Еще жив, но состояние тяжелое.

– Сколько заболевших?

– Удалось локализовать очаг заражения благодаря Международному Красному Кресту.

Узнав об эпидемии, его представители появились сразу. Сработали на удивление быстро.

– Что это за болезнь?

– Новая разновидность свиного гриппа. Где они могли подцепить эту дрянь?

– В джунглях чего только нет....

Вот теперь Великанову стало по-настоящему жутко. Будто стальные холодные клещи сжали сердце, и внутри поселилась пустота. Он не боялся погибнуть в бою от пули врага или от заточки в темной подворотне. Он был воин, и смерть всегда шагала рядом. Есть же поговорка, что смерть – это последняя неприятность десантника. Но погибать в бреду от злобных невидимых вирусов, поедающих тебя изнутри как жуки-короеды и оставляющих от тебя пустую оболочку, – это было куда хуже. Это наполняло душу каким-то первобытным диким ужасом.

– Свиной грипп, говоришь? – через силу улыбнулся Великанов. – Как у нас говорят: бог не выдаст, свинья не съест!

Глава 8

– Белых бей – не жалея! Белых бей – не жалея! – скандировали сотни глоток.

Влад Абросимов чертыхнулся, приподнимаясь с дивана. Он в очередной раз убедился, что среди базовых законов природы закон подлости занимает одно из первых мест. Почти как закон сохранения энергии.

Что такое «не везет» и как с ним бороться?

Час назад, закончив с Куамом Чонгве, Русич вернулся в уютную двухкомнатную квартиру, расположенную рядом с историческим центром города. Высокие лепные потолки, старомодная мебель, тяжелые портьеры – в этом был ретростиль, вызывающий ностальгическое томление по прекрасной старине, когда все складывалось лучше. Стоило это удовольствие немало, но «Пирамида» в таких случаях с деньгами не считалась и для отвода глаз без звука через третьих лиц оплатила на два месяца вперед квартиру, которая нужна была всего на несколько дней.

Поход Чонгве в банк за документами ожидался утром. Дальше останется только забрать их у него. А потом прикинуть, как использовать негра дальше – тут у Влада была масса креативных идей.

После гипноблока, наведенного Тунгусом, Чонгве вряд ли подается с перепугу в бег. Но всякое бывает. Ситуацию в таких случаях необходимо держать под контролем постоянно. В связи с этим Влад оставил двух человек присмотреть за негритянским политиком и контрабандистом. А сам упал на мягкий, кремового цвета, просторный диван в предвкушении отдыха. Прошедшая операция отняла огромное количество сил, нервов, ресурсов, денег. Две бессонные ночи за плечами. И вот пришла долгожданная удача. А с ней – возможность поспать часиков семь-восемь.

Он, скинув одежду и нырнув под одеяло, по солдатской привычке уже через минуту дрых без задних ног. Но стоило ему только утонуть в ласковых объятиях Морфея, как его разбудили дикие визги, улюлюканье, скандирование кроважанных лозунгов и рэповская музыка.

Влад подскочил к окну. И издал какое-то нечленораздельное, вполне возможно, изначально нецензурное выражение.

Толпа, в которой девяносто процентов были негры, латиносы и неизвестно кто, а десять процентов – чистокровные белые, вопила, визжала, клубилась водоворотами. Разлетелось от удара битой стекло автомобиля. Вспыхнул мусорный бак. Можно было подумать, что это обиженный Чонгве вызвал из дебрей Африки черных бесов, которые вырвались на оперативный простор в тихом европейском городе.

Постепенно крики и визги упорядочивались. И зазвучали лозунги.

– Белых бей, бей, не жалея...

– Долой расизм, вперед, черный марш!! Убей белого! Убей! Убей! Убей!!!

Бей и убей – были самые конструктивные призывы. Влад знал, что на этом дело не кончится. Одинокая полицейская машина, рванувшая было к месту беспорядков, оказалась заброшена бутылками и растворилась в ночи, затерялась в сиянии витрин и реклам.

Звон стекла. Бутылка с коктейлем Молотова влетела в магазин и расцвела там огненным цветком. Чем им книжный-то помешал?

Впрочем, угнетенным этническим меньшинствам много чего мешало. Вскоре весело горели еще три мусорных бака и две машины. Влад обрадовался, что вчера оставил автомобиль на подземной хорошо охраняемой стоянке. Черт бы с ней, с машиной, но там тайник с оружием и поддельными документами таможенной полиции на его имя и с его фотографией.

Чем все кончилось – Влад не мог наблюдать. Неорганизованная толпа, продолжая скандировать лозунги, двинула к центру и скрылась из вида.

– Макаки вшивые. Развешать бы вас на фонарях, – с чувством произнес Влад, заваливаясь обратно на диван.

При всем желании он не мог понять, почему европейская цивилизация, исторически вовсе не отличавшаяся миролюбием, терпением и всепрощенчеством, последние десятилетия позволяет творить такое в самом своем сердце. Почему-то наблюдается полный паралич всей государственной системы, когда дело касается противодействия хулиганствующему этническому сброду. Худо-бедно, но в Москве ОМОН за десять минут разогнал бы такую толпу, и эти выродки асфальт бы жрали и слезно просились к себе обратно в джунгли. А тут перед ними еще и извиняться будут.

С этими грустными мыслями Влад все-таки заснул. Проспал несколько часов и проснулся от звонка будильника, будто включился – моментально. Тоже привычка, выработанная на многих войнах, в которых он отметился. Хочешь жить – умей включаться.

Он прозвонил группе наблюдения. У них все без происшествий. Куам Чонгве на месте. Тунгус умудрился присобачить в коридоре отеля «Рояль-палас» видеокамеру, так что наружка всю ночь любовалась на дверь номера «пациента». Туда постоянно ныряли то прислуга с шампанским и едой, то какие-то белокурые полнотелые шалавы, притом в таких количествах, что закрадывалась мысль: а не заказал ли Чонгве сразу кордебалет или шоу толстушек?

В приличном отеле, конечно, такое бы не потерпели. Именно поэтому Куам Чонгве предпочитал люксы в таких местах, где бурные загулы не вызывают особых нареканий. Не дно, конечно, но и не «Георг Пятый».

Негр проводил время исключительно с белыми женщинами, притом дородными, в теле. Денег шальных полно. Все-таки любимый мальчик президента Макао. А Вамба, по слухам, драл всех без разбора и скидок на возраст, пол и даже, как говорят уж совсем злые языки, на биологический вид.

Влад, позевывая, включил телевизор. В местных новостях мусолилась главная сенсация – ночные погромы.

– Сегодня ночью произошли массовые беспорядки, в которых участвовали выходцы с Африканского континента, – деловито вещал диктор. – Поводом для них стал предстоящий визит в наш университет лауреата Нобелевской премии доктора Роберта Уэйса. Недавно он публично заявил, что представители народов Африки не могут достойно жить в современной цивилизации из-за их генетической неполноценности. В ходе беспорядков сожжены два магазина, где выставлялась на продажу новая книга Уэйса «Тайны спирали», а также семнадцать автомашин. Пока задержать кого-либо из участников беспорядков не удалось.

Влад опять прозвонил группе наблюдения.

– Ну что там?

– Без изменений, – доложил старший группы Казак.

– Сейчас буду.

Влад умылся, побрился. И вышел из отеля. В двух кварталах в подземном гараже его ожидал темно-вишневый «Ниссан Тино». На нем двинул в сторону отеля «Рояль-палас», по дороге прихватив Тунгуса, жившего в отеле неподалеку.

Было опасение, что после ночного загула Чонгве просто физически не сможет дотащить до банка. Но то ли сказывалось врожденное здоровье, то ли благотворно влияла жизнь в условиях девственной экологии, с минимумом выхлопных газов и выбросов канцерогенных веществ в атмосферу – в шесть утра он разогнал кордебалет и заказал горячий завтрак. В десять вышел из номера в белом костюме, светло-сером плаще, без следов дикой оргии на лице.

Он прошел через фойе, надутый, как индюк, даже не кивнув персоналу. На стоянке перед отелем его уже ждал лимузин. Сегодня шофером и телохранителем был тот самый диковатый негр, которого Влад вчера ненароком уронил на пол.

Черный «Линкольн» аккуратно вписался в поток дорожного движения.

Сопровождали объект на двух машинах. Занятие это было нудное. Улицы ближе к центру города сужались, поэтому пробки и заторы здесь считались нормальным явлением. Автомобили еле-еле ползли вперед. Впрочем, «Линкольн» при всем желании никуда не денется – ему вчера прилепили маячок прямо в салон.

«Ниссан» сперва держался на хвосте, потом, чтобы не вызывать подозрений, сдал назад.

Улицы были уже по-европейски стерильны. И лишь местами попадались на глаза следы вчерашнего погрома – то растерзанная телефонная будка или автобусная остановка, то разбитые витрины, то сожженный мусорный бак.

Влад включил радио. Там продолжали обсуждать массовые беспорядки. Ведущий аналитической ежедневной программы озабоченным голосом произнес:

– За комментариями мы обратились к профессору социологии, члену правозащитного европейского конгресса Леонарду Шекелю. Как вы оцениваете произошедшие события?

– Как вполне закономерную реакцию людей, которые находятся на самом дне нашего общества и лишены доступа к благам цивилизации, на откровенно расистские заявления. Людей оскорбили. Унизили.

– Но хотелось бы знать, при чем тут машины и витрины магазинов?

– А что вы хотите от стихии? Многие из бунтарей незаконные мигранты. Нужно решать их проблемы, выделять им нормальные пособия, которые позволят им чувствовать себя полноценными членами общества, а не обвинять во всех мыслимых грехах... И еще – мне стыдно за такого именитого ученого, как доктор Уэйс...

Влад хмыкнул:

– Жжет напалмом! Популярно довел – в том, что мне не дали спать и сожгли внизу магазин, виноват доктор Уэйс, а не взбесившиеся макаки.

Тунгус коротко выругался и переключил радио на музыкальный канал. Потом выдал:

– Чукча вот думает, солнечное затмение скоро будет матушке-Европе, – сказал он, по привычке строя из себя дите какого-то особо хитрого северного народа, которым, скорее всего, и являлся. – Негры с арабами ее попилят. А из белых чучела набьют, однако.

– А этот дурак на полном серьезе призывает чутко относиться к дикарю, который сжег твою машину, плюнул тебе в морду и еще требует у тебя побольше денег на жизнь, – заметил Влад.

– Как думаешь, их черные родственнички, втихаря закусывающие друг другом в джунглях, они чуткие?.. Не-ет, китовым усом клянусь – каюк Европе...

– Недолго мучилась старушка...

– Ну и шайтан с ней. Земля самоубийц.

– Тут ты прав. О России-матушке надо заботиться. Пока европейцы не затянули ее в ту же черную дыру.

– Чукча о России заботится, – улыбнулся во весь рот Тунгус и наддал газу, огибая бесшумный трамвай, кружащийся по площади Свободы. – Больше никому.

– Внимание! – Влад напрягся. – Видишь белый «Шевроле»?

– Где?

– Перед нами. Вон, правее.

– Ну и что? Такой же хочешь купить?

– Он мелькнул уже третий раз.

– Бывает. Едем в одном потоке. Попутчики.

– Не угадал, Тунгус. Он прилип к нашему объекту!

Тунгус бросил острый взгляд на своего командира. Он знал, что Влад обладает потрясающей зрительной памятью, наблюдательностью и чутьем.

– Таинственные соперники, – хмыкнул представитель народов Севера. – На одного тюленя – и столько охотников.

– Притормози. Отпустим их чуток, чтобы не светиться.

Влад вышел на связь с Муромцем, который тащил сейчас в границах своей видимости черный лимузин. Довел до него ситуацию. И приказал:

– Присмотрись повнимательней. И будь начеку.

– Это всегда, – хмыкнул Казак. – Кстати, мы уже почти у банка.

«Линкольн» завернул на улицу, где поток движения был куда слабее, и остановился перед входом в высотную стекляшку с синими зеркальными окнами. Гигантская вертикальная ярко-желтая вывеска свидетельствовала, что это не что иное, как местный филиал «Вест-банка». Здание достаточно уродливо смотрелось на фоне похожих на торт с кремовыми завитками домов в стиле модерн начала XX века.

Ритуал повторялся. Из-за руля «Линкольна» выскочила дрессированная горилла и с полупоклоном открыла дверь. На асфальт чинно выбрался Куам Чонгве. Распрямился. Угрюмо огляделся.

Сейчас он пройдет в фойе, где его встретит приветливо улыбающийся охранник. Возьмет ключи от бронированной ячейки. Выйдет с грузом. А потом? Влад пытался просчитать вариант, что делать потом. Если ему не кажется и он не перестраховывается, то к негру прилип еще кто-то. С какой целью? А черт его знает. Сейчас это не важно. Нужно конкурентов от объекта отсекают. Любыми средствами. И забирать груз.

Казак остановил машину, не доезжая пары сотен метров до банка.

Белый «Шевроле» тоже свернул на улицу, где располагался банк.

Тут перед «Ниссаном» неудачно развернулся грузовик с прицепом, заехав на тротуар, распугав людей и зацепив газетный ларек. Движение он перекрыл намертво. Всегда спокойный Тунгус, тщетно пытаясь выбрать щелку, в которую можно проскользнуть, яростно воскликнул:

– Вот хрен моржовый!

– Черти зеленые его принесли! – прошипел Влад.

Первая его мысль была, что их таким образом отсекают от объекта. Но в таком случае противник должен обладать фантастической прозорливостью. Скорее всего, имела место случайность, из которых соткан весь этот мир и которые имеют обыкновение развеивать по ветру самые продуманные планы.

Тем временем Куам Чонгве ступил на выложенный фигурной плиткой тротуар перед входом в банк. И события понеслись вразнос!

Рядом с «Линкольном» резко тормознул джип, откуда выскочили трое. Один из них подскочил к стоящему около «Линкольна» негру-телохранителю и ткнул короткоствольным револьвером в голову:

– Стоять! Полиция!

Еще двое подскочили к Чонгве и толкнули его к «Линкольну». Руки на крышу, ноги шире плеч. Профессионально обшарили.

За джипом впритык остановился тот самый белый «Шевроле».

– Нашего клиента приняли! – бросил по рации Казак.

– Кто?! – воскликнул Влад. Черт, сейчас идеально спланированная и исполненная операция на заключительном, самом безобидном, этапе стремительно выходила из-под контроля.

– Действуют как полиция! Но не они, зуб даю!

– Так. Мы тут застряли. Не успеем. Можешь его отбить?

– Силенок не хватит! Тут две тачки! И еще одна подозрительная в стороне!

В голове у Влада метеором проносились варианты развития событий. Только бы сейчас не ошибиться. Если это конкуренты и их интересы схожи с интересами «Пирамиды», Чонгве для них просто подарок судьбы. В хороших руках он выложит все. И передаст им пакет с документами, про которые они, скорее всего, не знают, иначе так бы спешить не стали и приняли его на выходе из банка или в другом месте – в том же самом отеле. Работают незнакомцы грубо,

ничего не бояться – в том числе обвинений в похищении людей и видеокамер перед банком. Может, местные спецслужбы? Или все же полиция? Да, впрочем, какая разница! Чонгве не для них!

– Гаси объект! – приказал Влад. – И отходи по пятому маршруту!

– Действую! – ответил Казак. И кивнул, трогая с места «Форд», сидящему на заднем сиденье Танкисту: – Валим объект!

Танкист выудил из тайника под сиденьем компактный автомат «узи» – любимую игрушку киллеров и террористов.

«Форд» надал газу.

Возмущавшегося Чонгве тащили к джипу.

Один из «быков» повернулся к проезжавшему мимо «Форду». Все понял. И стал поднимать руку с револьвером.

Не успел. Израильский дырокол «узи» застрекотал раньше, делая свою смертельную работу. «Быка» отбросило на землю. Тупорылый револьвер «бульдог» отлетел в сторону. Его напарник, державший за локоть задержанного, согнулся, схватившись за простреленное плечо.

Но основной вес свинца лег в Чонгве. Патронов Танкист не жалел.

Высокопоставленный негр рухнул на тротуарную плитку, окрасившуюся кровью. Дернулся несколько раз. И затих.

Итак, помощник по идеологии президента Республики Макао Куам Чонгве был мертв. А его сокровища остались в банковской ячейке до лучших времен.

– Цель отработана, – сообщил Казак.

– Понял. По плану. – Влад отбросил рацию и раздосадованно ударил ладонью по мягкой панели. – Вот угораздила нелегкая!

– Вся Чукотка в трауре, – не выдержав, съязвил Тунгус, подавая машину назад и пытаясь развернуться.

– Крути баранку резче, плакальщик! Сейчас тут полицейских будет, как блох на помойной жучке!

Глава 9

В течение недели в карантине, в котором оказалась бригада, заболели одиннадцать человек. Теперь в чумном бараке, где была приспособлена казарма первой роты, находилось двадцать четыре военнослужащих. Пятеро уже умерло.

Казарму с заболевшими охранял усиленный пост с приказом стрелять без промедления. Пару раз им пришлось прибегать к этой мере – когда находившиеся на щадящем режиме бойцы пытались заглянуть в гости к своим больным родственникам и товарищам и искренне недоумевали, почему их не пускают.

Вообще простые солдаты воспринимали все происходящее как огромную чародейскую подлость, преподнесенную им, несчастным, коварными белыми злодеями в масках. Благо белых «злодеев» здесь было полно – они сновали по территории войсковой части в противогриппозных масках и зеленых халатах. Это были врачи Красного Креста, которые взяли в свои руки вопросы локализации очага заражения.

Одним из главных развлечений для личного состава войсковой части были ежедневные медицинские осмотры и периодическое взятие анализов. Анализы, особенно кровь, негры сдавать панически боялись, принимая это за изощренный вид черной магии, так что командирам пришлось применять самые жесткие меры – вплоть до телесных наказаний, угроз расстрела или отправки в чумной барак. Подействовало. Теперь кровь бойцы сдавали безропотно и обреченно, как приговоренные к смерти.

Игорь Великанов, с относительным комфортом проживающий в своем служебном кабинете с кондиционером, небольшим жидкокристаллическим телевизором и холодильником, измаялся от безделья и дурных ожиданий.

Его обычно осматривал швед в возрасте около пятидесяти лет, с изрезанным глубокими морщинами лицом и лукавыми глазами. Его нос и рот скрывала плотная белая маска. Это священнодействие происходило в здании медпункта, в отдельном помещении с кушеткой, белым шкафчиком с инструментами.

– Туземцы вытянули из нас всю душу – ну когда же мы вас отпустим на свободу, – по завершении первого осмотра сказал доктор. – Похоже, вы им очень дороги. С чего бы это?

– Все объясняется просто.

– Интересно узнать.

– Я родной брат президента Латура Томбе.

– Ха-ха, – захохотал швед, хлопнув Великанова по плечу. – Русские большие шутники.

– Этого у нас не отнимешь.

– Да. Тут с вами трудно соревноваться. Ваши шутки лихорадят мир не одно столетие. У нас в миссиях я сталкивался с русскими.

– И как? Познали тайны русской души?

– Ну, этого не смог даже Достоевский. На мой взгляд, вас отличает, прежде всего, отвращение к кропотливому ежедневному труду. И связанная с этим фантастическая изобретательность в деле отлынивания от работы. Также налицо бескрайняя широта взглядов и интересов. И самоотверженность, доходящая до совершенного безумия в критических ситуациях.

– Мы привыкли гибнуть за идеи, светлое будущее, – кивнул Великанов. – По-другому никак не выжить с такими доброжелательными восточными и западными соседями.

– И какое светлое будущее вы ищете в этом заповеднике первобытного общественного устройства? – усмехнулся доктор.

– А никакого. Я тут машина для выполнения работы и заколачивания денег. Наемник. Что мне тут может быть дорого настолько, чтобы отдать за это жизнь?

– Но работа, наверное, связана со смертельным риском.

– А это привычка. Адреналиновый голод. Необходимость подпитки острыми ощущениями. Без этого я не ощущаю движения жизни.

– Интересные люди встречаются в этом захолустье, – доктор радостно засмеялся.

После этого разговора у них стало традицией каждый день трепаться о судьбах цивилизации и вообще за жизнь. Доктор оказался доморощенным философом. Игорь Великанов тоже был генетически склонен порассуждать, как все русские люди. Эти беседы скрадывали тягостность существования и снимали напряжение от присутствия рядом невидимой смерти.

Вот только от обсуждения самой жгучей темы – что здесь творится и какой вирус обрушился на несчастных солдат, швед всячески уклонялся.

По окончании каждого осмотра доктор забивал данные в ноутбук и удовлетворенно кричал:

– Никаких признаков заболевания. До завтра...

Дни тянулись, как резина. Все вращалось по одному кругу. И все вокруг было подернуто, как плесенью, зеленой тоской.

На восьмом осмотре швед, демонстративно сняв маску и бросив ее на стол, победно объявил:

– Вас можно выпускать на свободу.

Великанов аж вздрогнул. Он уже смирился с мыслью, что это заключение продлится вечно. Или, во всяком случае, до той поры, пока бациллы не сожрут его организм.

– С чего такой широкий жест? – подозрительно спросил он.

– Инкубационный период прошел. Непосредственного контакта с активными вирусоносителями вы в это время не имели... По большому счету не имело вообще смысла вас здесь держать.

– Интересно, – удивился Великанов. – Почему же?

– Здесь обнаружена новая разновидность вируса H5N11, так называемого свиного гриппа.

– Любимая страшилка мировых средств массовой информации.

– Есть одна особенность, которая известна специалистам, но ее не принято афишировать. В том числе и из соображений политкорректности. Этот вирус безвреден для белой расы.

– Как такое может быть?!

– Особенности генетики представителей разных рас. Тема сложная и запутанная.

– То есть я могу спокойно жить в чумном бараке и ничего не опасаться?

– Опасаться надо всегда. Вирусы имеют обыкновение мутировать и менять свойства. Респубlique Макао повезло, что здесь ходит именно мутировавший вирус. По последствиям он почти такой же тяжелый, однако передается заметно хуже. Иначе локализовать эпидемию было бы гораздо сложнее. И за последствия никто бы не поручился... Знаете, некоторые вирусы способны выкосить девяносто процентов населения. Вспомните черную чуму в средневековой Европе, когда обезлюдели целые страны.

– А почему не сто процентов?

– Мы, несмотря на нашу самонадеянность якобы просвещенных людей, еще с трудом понимаем суть болезней, эпидемий и пандемий. В них есть какая-то мистика. Приходит чума, выкашивает две трети Европы и растворяется куда-то. Иногда это больше похоже на божью кару. Или саморегуляцию биосферы. Или еще что-то, одному богу или черту известное.

– Божья кара, – кивнул Игорь, и его будто током шарахнуло яркое воспоминание – подземная лаборатория, иссохшие мумии, очистительный огонь, пожирающий все. Человек в выдумывании кар, пожалуй, вскоре обгонит самого Господа.

– Это ведь ваши подчиненные в походе по джунглям подцепили эту болезнь? – как бы невзначай поинтересовался швед, чем моментально напряг Великанова.

– Откуда такие сведения?

- Ох, дорогой друг, неужели можно что-то утаить в Африке?
- Боюсь, тут я вам ничего не могу пояснить.
- То, что болезнь подцепили в джунглях, подтверждает теорию об африканском происхождении свиного гриппа.
- Прямо тема для научной статьи.
- Не беспокойтесь, – засмеялся швед. – Я своего не упущу. Назову статью как детектив – «Африканский след»... Вообще, Африка – это фабрика по производству новых болезней. Да и старые мы изучили процентов на тридцать.
- И неизвестно, что еще может вырваться отсюда.
- И вырывается, к сожалению... Пока болезни косят местное население – это нормально.
- Так говорит представитель Красного Креста!
- У меня свои взгляды на существующий миропорядок. Двойственные – как врача и философа. Как врач я обязан лечить людей и, не щадя сил, биться со смертью. А как философ... На этом континенте явный переизбыток населения. Туземцы плодятся, как тараканы. Это у них в генах. Чтобы выжить в таких условиях, нужно быстро плодиться.
- Чем они занимаются с удовольствием, – иронично заметил Игорь.
- Сегодня в Африке проживают, точнее прозябают, девятьсот миллионов человек. А в 1960 году население составляло чуть больше двухсот пятидесяти миллионов. Виной тому лекарства, которые снизили смертность во много раз. Континент лопается от демографического перегрева. И дикари хлынули в цивилизованный мир.
- В него кто только не хлынул.
- И это печально, уважаемый русский. Печально.
- То есть вы за регулирование демографии? Даже крайне жестокими мерами.
- Конечно! Иначе наша планета погибнет. Останется пустыня, усеянная костями чернокожих вандалов.
- Я всегда говорил, что врачи самые гуманные люди, – хмыкнул Великанов.
- Врачи циники. Без здорового цинизма в этой профессии не выжить.
- Союз цинизма и гуманизма.
- Иногда цинизм побеждает. Особенно это фатально для микробиологов. Появляется иску́с поставить смерть себе на службу... И нет для этого места лучше, чем Африка.
- Сокровищница болезней.
- Точно, – добродушно улыбнулся доктор. – Здесь всегда толкались локтями ученые с военным уклоном со всех развитых стран мира. В том числе и ваши соотечественники. Искали новые штаммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.